

Александр Плетнев

ВЫХОД НА «БИС»

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Проект «Орлан»

Александр Плетнёв

Выход на «бис»

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Плетнёв А. В.

Выход на «бис» / А. В. Плетнёв — «Издательство АСТ»,
2024 — (Проект «Орлан»)

ISBN 978-5-17-162315-9

Как оно всё начиналось?.. На календаре двухтысячные, тяжёлый атомный крейсер «Пётр Великий», Баренцево море, randevу с аварийной британской субмариной... И вдруг аномалия, пробой метрики пространства-времени и и... На другом конце уже южная Атлантика, на дворе 1982 год, на карте целёхонький СССР, холодная война и всё остальное. Они, преодолев боевые перипетии, пришли в Союз... А через три года власть предержавшие в кремлёвских кабинетах решились, тем паче и учёные сподобились, вычислив алгоритмы и условия перехода — нанести обратный визит, в те их исходные «две тысячи какие-то». Для учёных это, несомненно, грандиозный эксперимент. Для политического руководства это миссия — установить контакт, направив спецпредставителя, с далеко идущими военно-политическими и экономическими планами. Для военных... ВМФ СССР обеспечивал устойчивость операции, из каких-то своих соображений и расчётов выделив под это дело целый боевой корабль — противолодочный крейсер «Москва». Знали бы все они...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-162315-9

© Плетнёв А. В., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Часть первая	7
Пролог	7
Морфоза	14
Экивоки неизбежности	17
С первым встречным	25
«Узники» глубин	29
ПКР «Москва»	33
U-1226	35
ПКР «Москва»	37
U-Boot	39
ПКР «Москва»	42
Ка-25ПС	44
Круги на воде	46
Взглядом с крыла	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Плетнев
Проект «Орлан». Выход на «бис»

© Александр Плетнев, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Часть первая

Пролог

*И если жить, не бахвалясь, не жалеясь,
Что-то растрапив, что-то обретя...
Лишь может сетуя, что сроки подужались
В шкале «жил-был – ...развязка бытия».*

Рисуя бескрайние воды океана (где бы ни было... когда бы ни было), убегающую полосу кильватера и высокий серый силуэт 15-тысячетонного крейсера проекта 1123 «Кондор»...

...это можно было бы подать как отдельную историю, если бы всё, что предшествовало, и всё, что последует, не тянуло за собой какие-то и даже более чем определённые «хвосты»... и некоторые моменты, каковые и упоминать было бы не обязательно, но и не сказать нельзя.

Включённые в повествование «пространства событий» и «времена событий» – те, которые «там», «здесь» и, возможно, «где-то ещё», скорей перекликающиеся, нежели подвластные центробежной силе множющихся вероятностей, произвольно-неожиданно прорисуют новые сюжетные линии. И факты, ставшие таковыми, обретут любопытные интерпретации.

Переход ТАРКР¹ «Пётр Великий» через «прокол реальностей» спонтанным, но отнюдь не случайным образом не мог не туманить (и беспокоить) головы военно-политического руководства страны. И умы учёных мужей тоже не мог, беря горизонты новых открытий.

И, собственно, не стоило удивляться, что они попытаются повторить, непраздно считая: «Где раз – там и два! И почему бы не воспользоваться этим пока пусть неизученным явлением?! Если не больше – приложив ум, знания и технологии, приручить и поставить на службу».

Другое дело, что «природа феномена» писала свои правила, поиск «аномалии перехода» привёл изыскателей в Индийский океан, привязав и к месту, и ко времени – не на своей территории, в открытом море, в международных водах. Где близость военных баз НАТО (американской Диего-Гарсия и французской на острове Реюньон – одним ближе, другим немногим дальше, но всё в доступности для их базовой патрульной авиации) всегда допускала появление чужого разведчика – поглядеть: «...чего это тут русские?..»

Этим объяснялось ограниченное количество судов, задействованных в операции, дабы меньше привлекать внимание: это примелькавшееся в данных акваториях океанографическое судно «Академик Лаврентьев», ведущее научную разведку и указавшее «главные маркеры места»; а также выделенный перестраховками всегда бдящих военных СКР² «Рьяный», оказией отстаивающийся на рейде порта Виктория столицы Сейшельских островов.

Но на первом месте – главный и непосредственный участник эксперимента крейсер «Москва». И было бы вполне обоснованно (так как речь идёт о главном герое) на всё взглянуть с точки зрения и эмоциональным восприятием его командира – капитана 1-го ранга Скопина Андрея Геннадьевича.

Для него...

¹ ТАРКР – тяжёлый атомный ракетный крейсер. (От автора: уважаемые читатели, всякий раз, из книги в книгу расшифровывая специфические аббревиатуры, я ориентируюсь на несведущего читателя, не знающего или забывающего их значение.)

² СКР (сторожевой корабль) – класс советских кораблей, приравняемых по западным стандартам к фрегатам.

Природа эксперимента захватывала дух и в какой-то степени пробуждала упрятанные в чулан черепной коробки уже ставшие ностальгическими сожаления:

– Уйти. И вернуться...

«Во всех случаях это могло бы стать эпохальным событием, и даже торжественным... как первый полёт в космос, – задумывался в короткие урывки перекура Андрей Геннадьевич, – не являясь это строго секретной операцией, где имена и звания в особом или закрытом доступе. Ко всему с неизвестной переменной: получится – нет?.. без оглядки на обещания товарищей из НИИ в расчётной адресности „перехода“ и какой-то там высокой, однако далеко не стопроцентной вероятности успеха.

Что ж, Гагарина тоже забрасывали на орбиту с готовностью при провале миссии наглухо закрыть любое упоминание о попытке и о прямом исполнителе соответствующим грифом. Но это так, к слову. Тут другой по масштабу случай. И там, где затронуты большие стратегические и геополитические замыслы, афишировать лишним никто не станет. Ставки здесь на самом высочайшем уровне».

Ещё за сутки до подхода к Сейшельским островам командиром корабля будет вскрыт секретный пакет, содержащий чрезвычайный приказ Генштаба.

Свои иницирующие инструкции получит находящийся на крейсере офицер особого отдела – полковник КГБ, назначенный в предстоящей миссии ни много ни мало официальным делегатом от высшего управляющего органа СССР.

И на данном этапе непосредственно на самом корабле в курсе всего дела будут только они двое. Для остального личного состава, включая старших офицеров боевых частей, старпома и заместителя командира по политической части, ситуация будет доведена уже по факту произошедшего.

– Я бы даже сказал свершившегося! – заметит тогда «просевший» в глубоком раздумье и, что уж – в прострации, Скопин, – и весь экипаж, получается – «играть втёмную». Оставляя в неведении до последнего момента «здесь», и только по успешному переходу – «там»... Представляю, каково им это будет – осознать и принять «переход». Переход во времени, пространстве и... кто его знает, с каким ещё эффектом.

– Эпопея-опупея, – флегматично поддакнул особист.

Капитан 1-го ранга лишь склонил голову...

Поначалу, будучи повязанным стереотипами (гэбня и прочее), он воспринимал назначенного на крейсер офицера особого отдела очень так, предвзято. Затем немного, как говорится, обтёрлись, и отношения в целом сложились почти доверительные. Конечно, больше вызванные общими секретами. Ещё каперанг подозревал, что непринуждённость полковника была порой искусственной. Но это уже тонкости...

Так или иначе, планируя, организаторы операции-эксперимента учитывали и такого рода шероховатости, как реакция участников на стресс.

Во-первых, экипаж в этот поход комплектовался с особым тщанием – подбирали людей с устойчивой психикой, не обременённых семьёй и наличием детей. Уж насколько это было возможно.

За этой предусмотрительностью командир корабля видел два оправдания: радикально – в штабе планирования не исключали «дороги в один конец». Вместе с тем был здесь и иной здравый смысл: по примеру пришельцев с ТАРКРа «Пётр Великий» всех людей после перехода «туда – обратно» однозначно придётся на неопределённое время поместить в социальный карантин. И (или) отправить в отдалённые и закрытые гарнизоны мест службы. Как неугодные источники запретной информации.

Совсем интересным и, верно, творческим показался ход с психологической подготовкой личного состава к самой «фантастической» сути дела.

Оказалось, что на крейсере читали!

Наличие каких-то художественных книг в корабельной библиотеке «попаданческого» жанра Скопин, разумеется, не заметил. Попросту не заходя туда. Чего он там не видел. В каюты к офицерам, кубрики к мичманам «в гости» также никогда не стремился. А на постах, на пультах в томительные вахты старшины и матросы, да и офицеры при появлении командира всегда дисциплинированно предпочтут держать под рукой какую-нибудь регламентную методичку. Может, только по уходу начальства снова достав что-то развлекательно-увлекательное. И то не факт... служба.

«Глаза ему раскрыл» полковник особого отдела – в его служебном ведении была реализация этой темы:

– Взгляните-ка. Ничего не напоминает?

Пролистав несколько экземпляров, что называется, «по диагонали», узнал явно списанное с того, что они привезли из «двухтысячных» в электронном виде: в основном классика попадания в роковой 41-й, круша немчиков-фашистов. Не обошлось и без другой классики – «русско-японской 1905 года». Здесь уж, несомненно, обработанное советскими писателями-редакторами, сводя в итоге к революционно-ленинским преобразованиям.

«Короче, „руководящая и направляющая“ и тут влезла, – оценил он не без кривой иронии, – кто бы сомневался».

Особист между тем акцентировал:

– Эти так, для массовки. Они и в общедоступной советской печати появились, кстати. А вот исключительно для нашего случая – главный агитационный ресурс, должный сложить у экипажа правильное мнение. Сюжет попадания в будущее, где силы капитализма подточили Страну Советов изнутри злокозными диссидентами и прочими деклассированными прозападными элементами. Обрисовывается Россия, очень напоминающая ту, вашу.

– А не рискованно описывать развал СССР? Попади такой намёк к господам из ЦРУ, тем, которые в теме «корабля-пришельца», могут выводы сделать...

– Во-первых, там всё далеко не однозначно, внесены умные закладки, имеющие двойное толкование. Ко всему концовка: северный материк за океаном в полном ядерном пепелище. Как итог: пусть подумают, прежде... Но прежде всего, книга не выйдет за пределы корабля. Мини-тираж в мягкой – обложке.

– Политрук наш, когда читал, поди, очумел от таких литератур? – глумливо хмыкнул Геннадич.

– Как есть очумел. Как есть, говорит, западная провокация. Как допустили?! Кто позволил?! – подыграл особист, зная о неприязни кэпа к замполиту. – Я его остудил. Он-то нужный спрос и создал, дав задачу комсоргам провести на собраниях разгромное обсуждение и осуждение, показав полную несостоятельность подобной альтернативы. Ну и мои подчинённые интерес подкрепили. Чтоб очередь стояла, чтоб ажиотаж создать. Чтобы кто из экипажа – если не любитель (в нашей самой читающей) – тем в кубриках непременно пересказали, за обсуждениями и травлей баек. В целом произведение прописано исключительно художественно, но в ходе приключений, боевых стычек, шпионских игр параллельно показывает весь негатив той вашей ударившейся в капитализм России. Жратвы-де навалом, но химия. Платная медицина. Гомосядина. И то, как олигархи народ нагнули. И то, как американцы страну нагнули... при власти продажных демократов и прочих эффективных менеджеров. В общем, мне ли перечислять. А всё для того, чтобы, когда попадём «туда», наш личный состав не шибко питал иллюзии и заранее понимал, что скрывается под глянцем и цветными картинками.

– Контр... упреждающая агитка, – с пониманием кивал каперанг, – только ерунда всё это, я думаю. Как только мы там «вынырнем» – в две тыщи каком-то... Свяжемся с Мор-

ским штабом, затем с правительством... Нас мигом в отстой в закрытую акваторию отведут, за ноздрю к кнехтам привяжут... И усё! Стойм, ждём. Экипаж будет видики-шмидики смотреть до усрачки, чипсами давиться, и никаких экскурсий. Тамошнему руководству советские моряки нафиг не впали. А потом, как уж там, и когда уж там, и если уж, надеюсь, договоримся с кремлёвским истеблишментом... так сразу обратно сюда – в 1985-й...

– А что, если мы вообще не попадём в ваш мир? – после молчаливой паузы вдруг спросил полковник. – Что, если время линейно, и линия эта одна. И мы уже безвозвратно изменили реальность.

– Став убийцами истории, – задумчиво откликнулся Скопин, – хм, и создателями нового «светлого» будущего. Вот и узнаем...

* * *

И об этом – о книжках альтернативных историй, можно было не упоминать, если бы далее в повествовании к одной из... ему, А. Г. Скопину, не предстояло обратиться.

Пока же...

Рисуя раскинутые безбрежные воды океана, убегающую полосу кильватера и высокий серый силуэт корабля, он проецировал его – крылатого «Кондора», неизбежно уходящего в одиночное плавание, в самом большом смысле слова – в странствие.

И чем ближе был «момент истины» – время, когда предстоит нажать кнопку, любые, как это обычно бывает, ранние мнительные перестраховки теперь казались очень даже обоснованными.

Сейчас он уже не оспаривал, соглашаясь с резонансом отправки в подобное экзотическое путешествие не гражданского, пусть и научного судна, а боевой единицы. Военный корабль всяко более устойчивая, могущая постоять за себя платформа.

– Правда ПКР «Москва» на «бойца-одиночку» тянет не очень...

Памятуя по аналогии «перепрыг» «Петра Великого» из вполне себе мирного Баренца напрямик в зону Фолклендской войны, каперанг не исключал какую-нибудь подобную каверзу и в этот раз:

– Выкинет где-нибудь в Средиземке под прицелы бомбящих Сирию или Ливию (где перманентно «горячо») американских АУГ или израильских F-16, и изворачивайся как хошь!

А вчера в дурном сне вообще нарисовалась картина – советский вертолётносец в озере Мичиган посреди Соединённых Штатов! Вот картина-то!

Потому в решении командования «обеспечить корабль б/к³ сверх штатного расписания, по всем имеемым видам вооружения» видел здравую предусмотрительность. Которая, если по честному, наводила и на далеко не спокойные мысли.

«Может, эти „а вдруг“ волновали и вышестоящих отцов командиров? И лишние мускулы, уж какие бы ни были, не помешают?! Доводя комплекты, особенно на „пэвэошку“, практически до двух бэка: ЗУРы⁴ к „Шторму“, снаряды к АК-725... у СССР, типа, много⁵».

Всё это добро (или частично) можно было, между прочим, загрузить ещё в Севастополе. А не тащить вдогонку. От того сложилось впечатление, что решение о дополнительных боеприпасах принималось в Генштабе или поэтапно, или едва ли не спонтанно, в последний момент.

Ещё более неожиданным стало распоряжение, касающееся «приблудившегося» на палубе «Москвы» штурмовика вертикального взлёта-посадки Як-39.

³ Боекомплект.

⁴ ЗУР – зенитная управляемая ракета.

⁵ По аналогии с английской флотской идиомой «У короля много...».

... Там, за тысячи километров у себя в кабинете главком флота вдруг хлопнет по столу ладонью и, ничего не объясняя, руководствуясь одному ему ведомыми соображениями, просто скажет:

– Пусть будет! «Як» оставьте!

Спецрейсом на Сейшелы пригонят Ан-22 военно-транспортной авиации, который доставит необходимое эксплуатационно-техническое и ремонтное оснащение для «вертикалки» и не менее избирательно подобранное подвесное вооружение.

– Похоже, в штабе подкинули мне самолёт из соображений «на всякий пожарный». Как потенциально дополнительный инструмент, – делал свои выводы Скопин.

Конечно, боевая ценность одиночного «Яка», «формально» входящего в состав авиагруппы вертолётносца, была сомнительна. Ко всему, летательный аппарат, который нельзя убрать в ангар, предполагал определённые (в плохих погодных условиях) трудности с обслуживанием. Но как основной минус – ограниченные возможности из-за взлёта только в вертикальном режиме – СВВП⁶ на сугубо вертолётной палубе, что «собаке пятая нога».

Кстати, вместе с дополнительным оборудованием на замену лётчику-строевику приехал другой пилот, из ОКБ Яковлева – строгий и немолодой по виду мужик в погонах старшего лейтенанта.

Очевидно, мотивация командования здесь опиралась на расширенные навыки специалиста из ОКБ по новой (или обновлённой) машине, сравнительно недавно поступившей в войска.

* * *

В штабных приказных предписаниях о ходе эксперимента давалась далеко не исчерпывающая информация. О технической стороне, по логике, должен был поведать прибывший с «Академика Лаврентьева» сотрудник специального НИИ – доктор наук. Скопин (...можно я вас буду называть Док?) слушал этого упоённо вещающего товарища, уже и не пытаясь вникать во все тонкости, однако доподлинно понимая, насколько в исследовательских выкладках всё сплошь теория, тогда как практика...

«Тогда как практику ждут именно от нас».

До уха донеслось:

– ...покуда не смогли дать валидную результирующую составляющую, пришлось бродить по акватории, буквально на ощупь выискивая напряжённости в линиях магнитного поля. Ха-ха!.. в общем, не Ньютон – лентяй под деревом, подбрасывая яблоки вверх, но на обусловленной фазе, буквально ткнули пальцем в небо и угадали.

– Неужели настолько всё... – каперанг неопределённо повёл в воздухе рукой, эту самую неопределённость и выражая.

– Ну... у нас и прицел и палец хороший – про-ткнём, где надо.

– Главное, чтоб сверху ничего не полилось.

Увлечённый собеседник как и не услышал. А потому, уже в который раз обыграв дурным воображением самые вычурные варианты, Геннадьич счёл попытать учёного:

– И всё же, по вашим хотя бы умозрительным расчётам – куда нас? В Бермудский треугольник? Или вовсе – подвигом безымянной подводной лодки сядем килем в степях Украины?

...Пробормотав под нос, коверкая, как помнил ширу мову:

– Представляю, как обрадуются «самостийные» от такого подарка радяцких москалей⁷.

⁶ СВВП – самолёт вертикального взлёта-посадки.

⁷ Радянські (укр.) – советский. *Ши́ра мо́ва* с украинского можно перевести как *настоящая речь*.

Шутка шуткой, но из памяти вдруг всплыли бетонно-силосные элеваторы, нередко виденные на Кубани – возвышающиеся, точно «плывущие» над полями авианосцы. Так и крейсер ему предстал – просевший форштевнем в пахоту, вздымаясь развалом бортов и высоченной надстройкой.

– Натура нон фацит сальтус, – услышал в ответ.

– Что?

– Есть такая неустаревающая аксиома: «Natura non facit saltus». С латыни там, мол – природа склонна к последовательности. В нашем случае я бы сказал – природа мягко стелет. И видимо, сама выбирает гибкую среду и хороший проводник – воду. Так что никаких украинских степей.

Однако с точным местом на шарике, как уж было, когда из северного полушария в южное... или возможно, из «нашего наоборот» – из тропиков экватора опять в серые воды Баренцева моря... Тут, извините, прогноз, как у синоптиков. Что говорится: «Когда Луну видно, так и дурак долетит. Барон любит, чтобы потруднее», – и доктор снова рассмеялся, довольный удачной крылатой вставкой⁸.

– Хорошо, что подкинули мысль, – озадачился своим командир, – надо подумать о форме одежды на случай внезапных холодных морей. И на всякий случай приготовить корабль к возможным климатическим изменениям.

* * *

Время подходило к исходу.

С «Академика Лаврентьева» (там-то кому надо знали, на что идёт крейсер) дали судовым тифоном отходной сигнал, отворачивая, удаляясь на безопасное расстояние.

В трёх кабельтовых по траверзу задал движение СКР «Рьяный», выводя дугу на «норд», следуя на своё назначенное место. На «сторожевике» тоже отвыли. Протяжно и прерывисто.

– Точно прощальные кличи, – тоже подал голос немного нелепый в своей гражданской одежде на ходовом мостике крейсера доктор наук.

Скопин взглянул в его сторону с укором, чтоб не болтнул ничего лишнего при других офицерах, не посвящённых в суть эксперимента.

Томились погода... – из расчёта времени в зазор между пролётами рейсовых пассажирских бортов.

Как раз на радаре «вели» воздушное судно. Далеко. В стороне. Но всё же...

Ядерный взрыв, пусть малой мощности и маловысотный, всё равно давал характерную белую шапку разбегающейся ударной волны, особенно заметную с большого эшелона. Пилоты гражданских авиалиний вполне могли зацепить краем глаза. Хуже только, если появятся «специальные гости» – американский «Орион»⁹. Потому и подёргивало нетерпеливо, когда же эта высотная инверсионная полоска в небе наконец-то уберётся прочь подальше.

– А что, – снова завёл взволнованный и от того на нервах словоохотливый штатский, – на наш зарядик тоже распространяется запрет об ядерных испытаниях в трёх средах?

– А мы не испытываем. Применяем, – мрачновато и со значением поправил офицер-специалист 6-го отдела РТБ¹⁰. Именно в его ответственном ведении была установка новых внутрикорпусных детонаторов на штатные боеголовки для возможности инициации ядерного заряда на любых заданных высотах. Довеском на якорной стоянке у Сейшельских островов на борт крейсера приняли спецгруз – контейнер с соответствующей маркировкой. Внутри четыре изде-

⁸ Почти цитата из фильма «Тот самый Мюнхгаузен».

⁹ Патрульный противолодочный самолёт США Р-3 «Орион».

¹⁰ Шестой отдел РТБ (ракетно-технической базы) по атомным головным частям для ракет и торпед.

лия (с запасом) – специальные боевые части ступенчато изменяемой мощности в доступном эквиваленте от 0,2 килотонны до сорока.

– В 1979 году в районе островов Принца Эдуарда, принадлежащих ЮАР, а это, между прочим, по планетарным меркам совсем неподалёку, – негромко и словно нехотя промолвил кэп, – американский спутник, специализирующийся на орбитальном мониторинге несанкционированных ядерных испытаний, зафиксировал характерную для атмосферного ядерного взрыва двойную вспышку. Чьих это рук дело, так и осталось невыясненным. Официально. Но все догадывались...

И подвёл итог:

– Конечно, нас вычислят. Была бы хоть какая-никакая облачность...

По расшифровке приказа на применение ЯБЧ была произведена положенная процедура: из сейфов командира и замполита доставались пакеты, содержащие разблокирующие ключи. В третьем погребе крейсера, отделённом от других хранилищ свинцовыми переборками, в устройстве барабанного типа размещалось восемь ракет 82Р для комплекса «Вихрь». Каждая запиралась двумя шифрозамками, только после раскрытия которых механизмы могли произвести подачу на направляющие ПУ (пусковой установки).

Сейчас на одной из ракет штатная головка была демонтирована, офицер РТБ установил специальную, настроив регулировкой внутрикорпусного детонатора необходимое значение килотонной инициации. А также высоту и дистанцию, на которой произойдёт подрыв.

Утро набирало силу. Жарко, по-южному светило солнце. В «него» и целились – устойчивый западный ветер определил направление пуска.

– Начать предстартовую подготовку.

В носовой части корабля ПУ «Вихря» выполнила процедуру зарядания, подав из погреба на одну из направляющих подготовленную ракету... заёрзав, выставляясь на углы по горизонту и высоте. Дистанция подрыва – километр – вполне достаточно на установленные 0,2 килотонны для ударной и радиационной безопасности.

Лились в уши чётко-монотонные доклады и отчёты: с поста РЛС, от командира БЧ-3, похрипывало радио с «Академика», подтверждая какие-то там необходимые параметры.

– Можно, – засвидетельствовал доктор наук.

На крейсере всё, что надо, задраено, принайтвлено, радиотехнически обесточено, все наблюдающие натянули защитные очки.

– Пуск, – негромко отдал распоряжение Скопин. Дождавшись рёва стартовика, накрывшего клубами дыма всю баковую часть корабля, и только тогда уж сам обезопасил глаза.

Вспышка взрыва всё равно проникла отсветом, мигом добежав отдалённым ударом по ушам.

Потемнело и... вновь нахлынуло всепроникающим свечением. Которое, отбелев помолочному, растекалось, исходя...

«Что? Это оно и есть?!!» – снимать очки на всякий случай не торопился.

Накатило звоном в ушах...

«Похоже, оно?..»

...вдруг повеяв холодом и серостью.

«Оно!»

Морфоза

Ничего не происходило.

Нет, конечно!.. что-то произошло – резко и ощутимо упала забортная температура.

«Разменять экваториальное солнце на северные холодные широты... где-то в ожидательном подсознании почему-то такой вариант и рисовался. Чёрт его знает, почему?» – капитан 1-го ранга Скопин до крайности пытливо и внимательно вбирал любую привходящую информацию. В том числе прислушиваясь к своим ощущениям.

Ещё не ёжилось в повеявшей стылости. Стенки-переборки ещё сохраняли накопленное тропическое тепло. Но в том, что сейчас наблюдалось за стёклами ходовой рубки, было что-то иное: солнца не видно – серое однородное небо; серые воды – поверхность моря неестественно гладкая, точно маслянистая – длинные волны тягуче перекатывались... ни ряби, ни клохтания, ни всплеска.

По всем показаниям и работе механизмов – корабль двигался. Обороты на валах, согласно докладу, остались прежними, но на лаге ход упал на узел.

«Под воздействием внешних факторов? Какое-то сопротивление среды?»

– Я такого не помню, – едва слышно, под нос, пробормотал каперанг, силясь вспомнить – как оно там было, когда они на «Петре». «Тогда в глазах метелики гуляли. Может, похожий эффект в тот раз попросту выпал из внимания, пока экипаж аврально колотило?»

Экипаж...

Боковым зрением: справа старший помощник – раскрасневшийся, явно на взводе, из-за спин нервный замполит, тут же особист, округлённые глаза офицера РТБ. И совсем колоритный в эмоциях «штатский» – Док, взъерошивший волосы у себя на голове. Он и выдал то, что у самого вертелось на уме. Ну, или что-то похожее:

– Это же буфер. Буфер меж... – И не знал, что сказать – «меж чем». Или язык прикусил.

«И правильно – молчи уж... до поры».

Однако старпом расслышал и мигом срисовал какой-то скрытый подтекст:

– Кто-нибудь объяснит, что происходит?..

«Ну вот, – скакнула неудобная мысль, – только сейчас этого мне не хватало!»

Несложно было догадаться, что крейсер к чему-то готовят. Двойной б/к просто так не загружают. Опять же – высоколобый муж с ящиками аппаратуры, в придачу с контейнером зловещей маркировки – спецзаряды. Разумеется, вопросы у экипажа, особенно у старпома и замполита, являющихся прямыми заместителями командира корабля, зрели и напрашивались. Все они спотыкались о грифы секретных директив Генштаба, полностью ограничивающих допуск.

Согласно инструкции руководящего Центра, довести до старшего офицерского состава – «куда их Родина послала», должно было уже по факту успешного перехода.

«Вот именно что – перехода „успешного“! А судя по виду за пределами корабля – что-то пошло явно не так. И что говорить сейчас людям, когда сам пока ничего не понимаешь?»

– Радиация в норме, – уже по второму разу известил дежурный офицер.

«Очень так, буднично, для слова „радиация“, с учётом ещё и странного окружающего пейзажа», – заметил по ходу Скопин.

Однако сам о последствиях ядерного взрыва не особо-то волнуясь. Сейчас его занимал эфир.

«Услышим ли на радиоволнах двадцать первый век?!»

Радист гонял аппаратуру по диапазонам, растерянно сообщая о полном отсутствии каких-либо сигналов, уже греша на выход из строя приёмных контуров. Даже «белого шума» как такового не было. Даже отголосков статики...

– Вы понимаете, – горячо зашептал на ухо учёный, – это же своеобразный тамбур меж-временья! Пока мы здесь, а я полагаю, это ненадолго, необходимо включить мои приборы в активное сканирование для замеров характеристик! Это место требует особого и отдельного изучения.

«Чёрта с два», – ответить не потрудился. Только отрицательно мотнул головой.

В рубке от людского присутствия тесновато, гудела вентиляция, гоняя неумолимо остывающий воздух. Но дышалось по-странному спёрто.

Жестом дав понять вахтенному матросу – тот споро разблокировал задрайки, командир двинул к двери, распахнул, выйдя...

Вперился, дёргая спичечный коробок, нашаривая сигаретную пачку – машинально, по привычке. Так и не закурив...

«Да тут до мата, етижи-пассатижи... рукой подать!»

Атмосфера снаружи показалась вообще какой-то безвкусной. Не освежающей, невзирая на холодок, а будто вытягивающей из тебя жизненное тепло. Визуально видимость простиралась всего мили на две и... те самые блеклые маслянистые волны.

От всего этого становилось жутковато, вызывая в памяти что-то ассоциативное. Что-то похожее вертелось в голове.

Здесь и сейчас (если этому «здесь и сейчас» подходили такие понятия), ступив на территорию, запредельную для человеческого понимания, рассудок бессознательно искал спасительное объяснение неведомому. Даже из области фантастики. Лишь бы обрести хоть какие-то точки опоры и избежать паники.

«Ага – вот! Вспомнил: будто бы мёртвый мир „Лангольеров“¹¹. Однако, как там Док сказал – „тамбур?“ Буфер? Подозреваю, что всё наверняка прихотливей и сложнее, и мы проникли в некие пространственные координаты, выходящие за измерения, доступные человеческой науке».

Последняя прозвучавшая мысленно формулировка вызвала ироническую улыбку.

«Начитался в детстве фантастики. Прихоть разума, несвойственная вояке-службе с одной извилиной от фуражки. Да и непозволительная, когда ты прежде всего командир боевого корабля и у тебя под началом семьсот с лишком душ. М-да, без права отвлекаться на вольное воображение».

Распределение полномочий в предстоящей миссии было чётко регламентировано штабом: полковник особого отдела, при всех его регалиях и статусе, по сути, начальник экспедиции.

«Наверное, в Кремле не нашли никого поважней, – подумалось с ехидцей, – не нашлось шишки поважней или при больших погонах. Хотя что я о нём знаю, в конце концов. Есть вещи, которые нельзя доверить исключительно военным. Дипломаты и политики порой смотрят на дело более гибко, а особист вполне может олицетворять собой разностороннего специалиста. Научную часть двигал понятно кто. И я... – „водитель телеги“: в моей ответственности корабль и вся мореходно-походная часть. Так или иначе, с правом на волевые решения в экстремальные, сиречь военно-опасные ситуации».

Последующая мысленная гримаса возникла импульсивно: «Мы „пушечное мясо“ на острие науки, государственных доктрин и политических интересов. Всё в куче».

¹¹ «Лангольеры» – фантастическая повесть Стивена Кинга.

За спиной затопало, пыхтя – кто-то торопился.

– Товарищ командир, там!..

Сунулся назад в рубку и, уже переступая комингс, почувствовал загулявшую под ногами качкой палубу. И ещё – затылком, боковым зрением!.. – оглянулся...

Накатило на миг (миги!) – отдалив перспективу, за что цеплялся глаз... точно бинокль перевернуть, и... колыхнув кровавым прибором в голову, вернуло обратно, неповторимой оптической иллюзией.

Серые краски сменились на... серые. Но это был уже другой оттенок. Живой. Появились запахи, хлынув в ноздри морским – солёным, йодистым. Стылым.

Тело наконец взбунтовалось на резкое климатическое изменение – только теперь ощутил, как кожа в безрукавке форменной «тропички» пошла мурашками.

Корабль подхватили серьёзные, бьющие в скулу накаты, горизонт раздался в стороны, явив неприветливый, увитый белыми барашками волн океан.

– Вот значит как. Мрачная Дева Атлантика, – каким-то чутьём, но почему-то убеждённый, что это именно она.

Крейсер шёл, едва выдерживая пять узлов, соблюдая полное радиомолчание, РЛС в режиме пассивной локации – всё для мер предосторожности, в целях по возможности не «светить» себя... где бы они ни объявились.

Единственное, что было в работе, это ГАС¹² – тоже на предмет безопасности – на случай под-водных сюрпризов. Например, рифов или отмелей.

В каких водах – в море или в океане окажется киль корабля, оставалось только гадать (немного говорливая уверенность товарища учёного не внушала уверенности, скорей давала пищу для сомнений), но желательно, чтобы подальше от чужих и недружественных берегов.

...Услышал:

– Товарищ командир, думаю, вам будет любопытно послушать радио! Не понимаю, ерунда какая-то...

«А вот теперь момент истины!»

Корабль обрёл опору. В настоящем. Он – нет. Уверенности, тем более спокойствия, и до того не было, теперь и подавно. Прошли ли тут те три года, что прошли там в СССР? Или потоки времени рассогласованы? Или вовсе разнонаправлены, почему бы нет? То, что синхронизации по датам от Рождества Христова нет и в помине, так это уже было понятно по переходу «Петра», когда их из поздней осени – в весну. И по годам – никакой математической закономерности.

«Надо было всё же проинструктировать радиста более предметно. Лучше уж какое-никакое плохонькое объяснение, чем никакое вообще. Чтобы сразу имел представление, с чем предстоит встретиться. Ну да ничего. Сейчас разберёмся».

¹² Гидроакустическая станция.

Экивоки неизбежности

Скрепя сердце, сердцем скрипя – оно чуяло – «сердцем чуяю», стуча в груди...

Быстрые решения...

– Док! Мы можем обратно?! – первая реакция на услышанное в наушниках.

В наушниках: всё новостное поле радиоэфира акцентировалось на одной теме – войне!

Пойманный на устойчивой волне диктор национального канала США бравадной скороговоркой (трудно поддающейся быстрому переводу) разглагольствовал об успехах американских ВМС против Японии на Тихом океане и... ничего конкретного – боевые действия за атоллы и какие-то острова Филиппинского архипелага с малоговорящими (кто не в теме) названиями.

Поиск дальше по шкале приёмника шипением и прорывами морзянки остановился на другом англоязычном, где, наконец, как само собой разумеющееся проскользнула так необходимая дата: «...сегодня на двадцатые числа октября 1944 года войска под командованием фельдмаршала Монтгомери ведут упорные бои общим направлением на запад и центр Германии...»

Тысяча девятьсот сорок четвёртый! И этим всё сказано!

За кормой не просто мили – годы... и извивы невообразимых путей-дорог – из реальности – к пугающим альтернативам. Мироздание сыграло по своим правилам, по бог знает каким законам неумолимой и безжалостной физики, клацнуло челюстью и ослабло, спустив их по ветке времени ещё на... четыре десятка лет! Вот так!

Во как!

Быстрые решения... но выживая из диапазона Москву со сводкой Советского Информбюро, первым был простой и честный посыл: «В ВОВ?¹³ Но почему тогда не в „сорок первый“, по закону-то – жанра?»

Впрочем, ужимки недоумения отступали, находя и в данном варианте вполне рациональные зёрна: уж насколько теперь всё становилось запутанным с этими переходами, но определённо не поспоришь – для СССР 1944 года крейсер, напичканный опережающими даже на десяток лет вперёд оружейными системами, несомненно, был бы хорошим технологическим заделом. И не только.

В голове даже проскочили какие-то комбинации в послевоенном устройстве мирополюбра, которые мог бы разыграть Сталин, получи... и тут главный аргумент неоспорим. Рисовалась картина почему-то взглядом военных атташе США и Великобритании: усатый диктатор Дядя Джо в полувоенном френче, понятно, что с трубкой, говорящий неторопливо и с неизменным акцентом: «Мы тоже имеем и могли бы применить ядерное оружие. Ещё в Германии. Могли в Маньчжурии против Квантунской группировки империалистической Японии. Но советским вооружённым силам не нужны столь разрушительные бомбы, чтобы разбить любую вражескую армию. Это оружие массового истребления. Варварское оружие». И предложит иностранцам съездить на полигон, где им и продемонстрируют...

«Кое-что из наших запасов в арсенале „Вихря“».

На этом все благие державно-прогрессорские помыслы у капитана 1-го ранга Скопина заканчивались. Трезвый взгляд на вещи породил лишь – тоскливое понимание, с какими сложностями теперь предстоит столкнуться.

«Для начала надо дойти».

¹³ ВОВ – Великая Отечественная война.

Мощность приёма радиопередатчиков США и Канады говорили о том, что сейчас они где-то на севере Атлантики. Опытному штурманяге теперь, когда стали известны необходимые исходники, определить относительные координаты, а затем и точные, труда не составит. Но по-любому северные порты СССР являлись безальтернативным местом, куда им оставалось и следовало править корабль. Попытаться проскочить незамеченными задворками высоких широт. В одиночку.

Кронштадт?.. – даже не рассматривался! Это путь сквозь полыхающую в Европе войну. Узостями, проливами, где помимо всего прочего кишмя кишит расставленными минами. А незнакомый силуэт корабля будет приманивать в прицелы всех кому не лень, все противоборствующие стороны.

В условиях текущей войны и по северному маршруту пройти чисто скорей всего не получится: насыщенный трансконтинентальный морской трафик, нацистские U-боты¹⁴, патрульные корабли и авиация «союзников»¹⁵.

А в порту Мурманска ждут злые до шпионов и провокаций чекисты. Опыт уже был, с легализацией в советском 1982 году, и Скопин не без смятения представлял (не представляя), каково же им будет здесь и сейчас – какими взглядами будут смотреть «энкавэдэшники» на фантастический рассказ о пришельцах из будущего: «Кто такие? Откуда такие? Кто-кто?!» Тогда как главный «параноик» сидел в Кремле... и можно без кавычек – оправданно! Оправданно, зная тенденции послевоенного противостояния, которое сложилось между Западом и СССР. Страна переживала тяжёлую войну, конец которой был не за горами, и помимо фашистских недобитков уже начинали вести свои подковёрные игры британская, американская разведки.

«Хотя корабль... целый корабль! – это аргумент. Но вот под советским флагом... Появиться под военно-морским флагом СССР в советском порту, когда данного крейсера в реестре нет и не значилось – сразу поставить себя в нелегальное, провокационное положение. И уязвимое. Явиться под флагом нейтрала? Типа мы от тётушки Чарли из Бразилии. И пока будут разбираться, попробовать выйти по инстанциям на высшее руководство? Пф-ф... даже в абстрактной версии это выглядит коряво и несообразно. До Сталина достучаться из любого положения будет непросто. И не факт, что товарищ Джугашвили отреагирует адекватно».

Почему-то на приём к Сталину «стоять – бояться» ну вот никак не хотелось.

– Док! Мы можем обратно?! Мы не там... нас вышвырнуло в «сорок четвёртый». На дворе Великая Отечественная...

* * *

«Обратно» – с ходу, по горячему следу, как надеялось, оказалось невозможным. Включённая на сканирование научная аппаратура никаких аномалий уже не обнаружила. Даже остаточных намёков или отголосков. Стрелки приборов лежали в левом положении, и ни одна не дрогнула, не сошла с нолей. На развёртке осциллографа ни пиков, ни впадин – прямая линия.

– Дырка схлопнулась. И впору предполагать, что этот сфинктер-клапан вообще работает в одну сторону, – заметно расстроено объявил Док, по озадаченному выражению лица явно пристраивая ещё один элемент к своим головоломкам.

Потом, правда, обнадежил, что не исключает вероятности нащупать что-нибудь в дальнейшем...

¹⁴ U-Boot – сокращение от немецкого *Unterseeboot*, означающего «подводная лодка».

¹⁵ Здесь слово «союзники» приводится в кавычках, приобретая нарицательное значение, как Коалиция государств, выступивших против стран Оси: Германии, Италии, Японии и всех других присоединившихся... в итоге пожалевших.

«По пути? – дорисовывал версии Скопин. – Если по пути попадётся „удобная“ аномалия, подрывом ещё одной ЯБЧ махнуть... Вопрос – куда?»

Вдруг пришла догадка, что его порыв «по-быстрому вертать обратно» был опрометчивым!

«А какие гарантии, что мы вернулись бы в 1985 год? Нет, смотрим: „Петром“ непреднамеренно вышло вниз, в смысле – в прошлое на тридцать четыре годка. Сейчас сразу на сорок почитай. А вдруг обратно или вверх по шкале времени вообще не предполагается?! И следующий будет тоже вниз. А? Ещё минус на сорок? Вот-вот! – аккурат в злополучную РЯВ¹⁶».

Гипотеза на этом скоротечном сравнительном анализе показалась столь стройной, что захотелось немедленно поделиться своим соображением с участниками их «блиц-совещания в узком кругу».

Он и поделился, вызвав ответный взгляд у товарища учёного – уважительный и... немного растерянный.

«Что, Док, пугает перспектива никогда не вернуться?» – озвучивать не стал, пустое. Но мысли скакали дальше, по дороге необратимости.

«И допустим. Что?.. – явемся к царю-самодержцу, все сплошь красные командиры? Противоречий не избежать. Да и не в том дело. Техническая база России 1904 года крайне низка, чтобы рассчитывать на скорую и продуктивную отдачу (это если задумываться о прогрессорстве). А там, далее – ожидаемая чередя революций, избежать которые... – получится ли? Нет? Возможно, что и нет. И тогда можно попасть под маховик русского бунта, бессмысленного и беспощадного. Выходит, что послевоенный Советский Союз стабильней и предпочтительней? Выходит, что так».

Откашлялся для проформы и осторожно заметил:

– В любом случае искать какие-то новые проходы дело скорей всего небыстрое. И не в ресурсах. Сейчас надо решать насущные проблемы. Тоже далеко не прозаичные.

– Что будем говорить экипажу? – принуждённо выдавил особист. – В первую очередь офицерскому составу. Все прекрасно видят – что-то произошло.

– Да. Трудно было не ощутить резкий переход из тропиков в северные широты, – язвительно подметил каперанг. Тут же пожалев – желчь не по адресу. Да и прав был полковник. Дисциплина дисциплиной, но затягивать с разъяснением обстановки было нельзя. Слишком уж всё выходило за рамки обыденного. Копящиеся вопросы в любой момент могли лопнуть нарывом. Сейчас необходимо выбрать общую стратегию и в темпе решать – что и кому из команды можно рассказать, а чего знать им совсем необязательно.

– Экипаж и корабль – это ваши приоритеты, товарищ капитан первого ранга, – холодно произнёс полковник КГБ, – единственное, я бы не акцентировал, то есть категорически умолчал о конкретной цели эксперимента. Никто не должен усомниться в том, что мы контролируем процесс. Всё идёт по плану. И уж тем более следует обойти вопрос возвращения.

Мрачен был полковник. Все его инструкции летели в тартарары. Всё придётся перестраивать буквально на ходу, полностью пересматривать не просто планы, а смыслы экспедиции. Импровизировать. Смотреть на картину более широко, нежели было установлено изначальной задачей.

Но Скопин не сомневался, что оборотистый особист Вова уже просчитывал варианты встречи с пращурами.

Перевёл взгляд на циферблат наручных часов – тридцать минут как они уж здесь. Целых полчаса как «серое» сменилось на... серое.

Крейсер на малом шестиузловом ходу, в незнакомых водах, в пассивном режиме своих радиотехнических средств, по состоянию «Боевой тревоги», в состоянии ожидания...

¹⁶ РЯВ – принятая в определённых кругах аббревиатура русско-японской войны 1904–1905 годов.

– Надо определяться наконец...

И выругался. Мысленно. Не так он себе это представлял.

Пройди всё, как было запланировано, последовательность действий у него, как у командира, была внятно прописана: перво-наперво выход на командование флота через радиоузел «Кактус»¹⁷, по шифр-коду ТАРКРа «Пётр Великий». Наверняка переполошив там всех (ещё бы – пропавший крейсер объявился)! А то, что вместо него другой, с этим как-нибудь уж объяснился бы. В штабе ВМФ, может, и посомневались, но однозначно бы прикрыли в итоге, залегендивровав вымпел – ...давно списанный корабль... давно списанной страны.

Уникальный силуэт «Кондора» на океанских маршрутах вряд ли избежит случайных зрителей – кто-то, с любого «торгаша», да и сыпанёт в тырнэт фотки-видео. Поначалу принимаемые за фейки, но... вскоре «поохотиться на призрак из прошлого» – поглазеть, всё одно бы сбежались чьи-нибудь ВВС и ВМС под заведомо недружественными флагами.

«В любом случае „там“ я был бы „дома“, и единственный на крейсере имеющий представление о текущей реальности. Мог выбирать курс и действовать на своё авторитетное усмотрение. Сейчас... – Геннадьич одёрнул себя: – Вот именно! Надо думать о „здесь“ и „сейчас“ – единолично уж не потяну. Нелишне будет организовать походный штаб. Подтянуть к допуску (частичному допуску) старпома и замполита, хотя бы из субординационных соображений – всё-таки прямые заместители командира. Задействовать всех, кто обладает хоть какой-то компетенцией по данному историческому периоду: на срочную перспективу сделать подборку всего, что касается военной сферы (ТТХ самолётов, кораблей, субмарин); затем, когда дойдём до „бёрега“, понадобится знание политических конъюнктур».

* * *

– Командирам боевых частей собраться в кают-компани, – проорала корабельная трансляция.

Скопин заметил, что вахтенный офицер пропустил слово «срочно», однако в его голосе и без того было что-то нагнетающее.

Нагнетать поневоле приходилось и самому. Что бы ни ожидали от него услышать подчинённые, каперанг вполне себе отдавал отчёт, что одним сухим уставным подходом здесь не обойдёшься.

Однако возобладала вбитая погонами привычка... а попросту: собрать старших, зачитать приказ, поставить задачу – «разойтись, выполнять».

Затем можно ещё выступить по «трансляшке», шокировав остальной экипаж «командирской белой горячкой» – что-то типа: «Товарищи моряки, мы прокатились на машине времени в прошлое! Поздравляю!» Но как бы там ни было, дальнейшая работа с личным составом, по дивизионам, дело «бычков»¹⁸ и их замов – озадачить соблюдением дисциплины и боевого порядка. И Геннадьич не сомневался (опыт-то уже был): чем моложе пацаны – младшие офицеры и мичманá, старшины и рядовые, тем легче воспримут. Так как проще смотрят на жизнь – вперёд и без оглядки.

И вообще, психическое состояние людей – это прерогатива замполита, так сказать, «инженера человеческих душ». Вот пусть и занимается.

Единственное отступление, дабы облегчить прелюдию, сделал вначале.

¹⁷ «Кактус» – приёмный центр дальней оперативной связи. Входит в узел связи ВМФ «Марево». Возможности центра позволяют связаться с кораблями ВМФ и авиацией в любой точке земного шара.

¹⁸ Бычки – флотское жаргонное название командиров боевых частей корабля (БЧ).

Накануне, ещё «на той стороне», в паузе ожидания на крейсере крутили совсем свежий зарубежный фильм – «Филадельфийский эксперимент» (ещё один зачёт руководству в мягкой подготовке экипажа к специфическим неожиданностям).

Отсюда и зашёл:

– Так вот, товарищи офицеры. У американцев это всё кинофантастика и страсти-мордасти в сюжете. А у нас по-настоящему!

Следом что-то там докладчиком поддакнул Док, в заумных терминологиях. Не подкачал и замполит, уже «обработанный» особистом, толкнув пламенную речугу, в стиле: «Партия и правительство доверили нам важную миссию, на передовом рубеже науки и прогресса!» (Когда только успел текст состряпать?..)

Реакция «аудитории» не выходила за рамки ожидания – безусловный эмоциональный набор: отвисшие челюсти, озабоченный и возбуждённый ропот – пережёвывали, переваривали. Дисциплинированно. Без истерик. По-военному.

Командиру же... сейчас ему было плевать на рефлексии. Он вообще хотел избежать излишних дискуссий о технической стороне эксперимента (экспедиции, операции, миссии... выбирай по вкусу). Целях. Сути. Замыслах!..

Обходя и тот момент, что если всё, как заявлено – в оптимальных параметрах, то почему они не где-нибудь поближе – в Баренце, а у чёрта на рогах в Атлантике, со всеми вытекающими сложностями?..

– Товарищи офицеры, я жду от вас полной собранности...

«...жду от вас полной собранности и...», «и»-продолжение с языка не слетело. Имея острую потребность в любой информации по текущей реальности Второй мировой войны, Скопин, однако, не позволил себе показать некомпетентность.

«Мы же подготовлены. У нас же всё под контролем, мать его. Всё идёт по плану, как пытаются изобразить особист».

Короткая пауза командира осталась заметной лишь многоточием...

– Цель – Мурманск! Полторы тысячи миль в условиях идущей мировой войны! Которая охватывает и наш маршрут. Пусть Германия на исходе и практически разбита, немецкие субмарины всё ещё сохраняют потенциал. Особенно базирующиеся в Норвегии. Опять же, люфтваффе и остатки какого-то надводного флота.

– «Тирпиц» англичане потопили 12 ноября сорок четвёртого, – подкинул не сдержавшийся командир БЧ-1¹⁹.

И Скопин поставил галочку в уме: «Ну, вот и первые знатоки прорезаются»... улыбнувшись одобряюще, мол, принял к сведению – в теме.

Продолжил:

– Наша задача стоит так: дойти до подконтрольных СССР вод, по возможности не ввязываясь в войну. Здесь, где доминируют силы антигитлеровской коалиции, в конце концов, справятся и без нас. Напротив, всячески следует избегать контактов с англосаксами. Надо объяснить, почему?

Поясню. Наш расчётный курс предполагается проходом северными широтами и неизбежно попадает в полосу ленд-лизингового трафика, следующего из Канады и США в советские порты. Будет непростительным легкомыслием исходить из того, что нам удастся проскочить совсем уж незамеченными. Сейчас (в данный момент) мы находимся в пределах четырёхсот миль к юго-западу от Исландии, в зоне действия базирующейся на острове патрульной авиации США. Небо, как видите, подзатянато, но тем не менее... В любой момент нас может обнаружить какая-нибудь противолодочная «Каталина»²⁰, имеющая, кстати, радар на борту. Океан

¹⁹ БЧ-1 – штурманская боевая часть.

²⁰ РВУ «Catalina» – морской патрульный гидросамолёт времён Второй мировой войны.

только кажется пустынным. Особенно когда молчат наши РЛС. Они потому и молчат, чтобы не «светиться» лишний раз. Минусом пассивной работы радиолокационных средств – собственная уязвимость.

Однако... На данном рубеже, кроме английских и американских ВМС, ну, может быть, ещё канадцев, из надводного никто не ходит. Кроме их ВВС никто не летает. Какой толк в том, что мы раньше обнаружим какую-то воздушную цель? Разведчика. Не сбивать же. Сами ангосаксы, при всех оговорках, всё же не станут стрелять, прежде не удостоверившись в принадлежности незнакомца. Нас попытаются идентифицировать. Странная надводная архитектура крейсера (полкорабля, полпалубы) однозначно привлечёт внимание. Орудий, артиллерии у нас, даже по меркам вспомогательного крейсера, считай, что нет. Зато лес антенн. И если не светить Ка-25...

Небольшая пауза – дать осмыслить, упорядочить и принять данность.

...и можно дальше:

– А тут уж как есть – военное назначение корабля никуда не спрячешь. Разумеется, наводящие вопросы у них возникнут! Сочтут гидроавианосцем. Пусть бы. Пусть с самолёта увидят флаг... ну, там... помашут рукой... Может, парой слов с ними в эфире перекинемся. Ответим: «Русские!» Почему бы и нет?! Мало ли чего сейчас перегоняют в СССР. Помню: эсминцы, линкор «Архангельск». Правда, это из Великобритании. Из США²¹ – тральщики, фрегаты, лёгкий крейсер «Милуоки»²². Всех силуэтов пилоты могут и не знать. Но однозначно – прилетят на базу, доложат. Там начнут разбираться, созваниваясь по инстанциям. Вплоть до того... – что им помешает напрямую обратиться в Москву и поинтересоваться: «Есть ли такой корабль в реестре?» И когда нынешний главком флота Кузнецов удивится и скажет: «Нет, знать таких не знаю» (от нас откажутся, даже не подозревая, от чего)... Вот тогда наш сомнительный статус даст союзникам все – основания на подозрения. И досмотр...

По офицерам пробежался возмущённый ропот...

– А что вы думали?! – фыркнул зло. – Они тут, здесь по месту, в Атлантике «сорок четвёртого», как ни крути, бесспорно – хозяева. Воздушный разведчик улетит, но явится какой-нибудь HMS или USS²³, коли поблизости окажется. И вероятно, что окажется. С артиллерией и инспекцией: «Кто такие? Предъявите документики, господа рейдеры под чужим флагом!»

То, что он ляпнул про «допустить чужих на борт», это так, вертелось в голове одним из умозрительных вариантов: если на них выйдет быстроходный крейсер и ангосаксы посмеют «тормознуть» военный корабль под флагом СССР.

«Показать, что мы действительно русские? Ерунда всё это. Любые состряпанные документы – филькина грамота. Любая надуманная легенда: корабль на перегоне или некий секретный „Сталинский экспресс“, не выдержит критики. Будь мы хотя бы классическим крейсером под стать эпохе, а не „полкорабля, полпалубы“. Мимо такого не пройти. Как скоро они, взглянув на лес антенн, сообразят, что наш „Кондор“ выбивается из формата?»

Чем больше Скопин обдумывал вероятные и логические сценарии встречи с американцами или англичанами, тем больше склонялся к мысли, что показывать им себя никак нельзя.

«Мы для них сюрприз... и приз – плиз. Ценный».

²¹ Именно «сшá», по звучанию.

²² Боевые корабли, переданные Советскому Союзу в счёт итальянских трофеев, которые СССР должен был получить по репарациям. Линкор «Royal Sovereign», переименованный в «Архангельск», перегнали в Ваенгу (Мурманская область) ещё в августе. Крейсер «Milwaukee» перешёл на Север в составе конвоя ещё весной.

²³ USS (префикс) – United States Ship, «Корабль Соединённых Штатов». HMS – переводится как «Корабль Его Величества» (англ. Her Majesty's Ship).

По правде говоря, он готов был сбивать любые воздушные разведчики. А от встреч с надводными кораблями, пользуясь преимуществом РЛС, считал, вполне сносно можно уклоняться.

Проблема была в том, что, сбивая «союзников», они выводили ситуацию на тонкие грани.

«Потянуть за собой дурной след исчезающих самолётов, а то и случайных свидетелей полёта ЗУР – тем самым ступить на скользкий путь прямого противостояния. И тогда за „советского летучего голландца“ могут взяться всерьёз, с полным основанием записав во враги. Не дай бог, рассорив Сталина с союзниками. Чёрт!.. Проскочить бы Исландский рубеж... А уж там выйдем на оперативный простор. Мимо Ян-Майена, Медвежьего²⁴, забирая выше к северу, к Полярному кругу, в Баренцево море – в зону ответственности советского флота».

Исландский рубеж – оперативный район, пролегающий от берегов Гренландии до северной части Великобритании. Включая Фарерские острова. Проход между Исландией и Фарерами шире Датского пролива²⁵, однако ближе к Британскому архипелагу, с заведомо более плотным присутствием патрульной авиации англичан. А радиоразведка у англичан, включая развёрнутую службу радиопеленгации, поставлена наилучшим образом.

Что безмерно радовало – метеосводка, дающая неплохие шансы, – с воздуха, по крайней мере визуально, их будет затруднительно увидеть. Просветы в облаках были, но небо затягивало порой так, что нижняя кромка опускалась до ста метров и... всё говорило за то, что погода будет только портиться.

«Сигнальную вахту обязательно усилить! Повышенное внимание акустиками. Ход будем держать умеренным, так что возможность слушать окрестное море, на предмет посторонних винтов, у нас будет. А когда начнёт неизбежно темнеть... Ночью, конечно, в условиях и без того туманной взвеси, без РЛС будет опасно. Не хотелось бы налететь на кого-то впотьмах. С другой стороны...»

С другой стороны, с языка так и лез избитый ярлык: «Не так страшен чёрт, как его малюют!»

«И чего я в самом деле?! Не переоцениваю ли я возможности нынешних средств радиобнаружения? Напрасная перестраховка?! Не спорю, короткое, с отмеренной периодичностью включение (в режиме „однообзор“ – один круг на развёртке „Ангара“²⁶) верно заявит о себе, как о каком-то мощном неизвестном источнике излучения. Пеленгация даст какое-то направление на источник. И приблизительную, но отнюдь не достоверную дистанцию. И?..»

Безбрежность океана, когда дальность радиогоризонта 36 километров, а визуально и до десяти не дотягивает, была совсем не кажущаяся.

И если действовать безупречно...

* * *

Под ногами мягко «загуляла» смешанная (одновременно бортовая и килевая) качка – крейсер выписывал плавную дугу, разбивая волны подставленной правой скулой.

Определились. В целом коллегиально, но больше, конечно, за мнением командира, выбрав переход через Датский пролив. Полагая, что там будет менее оживлённо в плане судоходства, а коли их разглядят (да наверняка) расставленные американцами в Исландии и Гренландии радиолокационные станции, то не станут бить тревогу – крупная засветка никак не может быть немецкой субмариной.

Какая-никакая, но определённая логика в этих прикидках была.

²⁴ Ян-Майен, Медвежий – острова, расположенные в окраинных морях Северного Ледовитого океана.

²⁵ Датский пролив, между Гренландией и Исландией.

²⁶ РЛС воздушной и надводной обстановки МР-310 «Ангара-А».

Собственно, до того чтобы втянуться непосредственно в Датский пролив, так, чтоб по правому траверзу за горизонтом терялись исландские берега, а по левому паковые льды Гренландии, на 12 узлах шлёпать ещё часов пятнадцать.

Сами «эрэлэской» всё же разово «мазнули», готовые это делать периодически по необходимости – на зелёном экране навигационного локатора оббежавший по кругу луч поискового вектора пока ничего не выявил.

Осназовцы (радиоразведчики) доложили, что чётко слышат только береговые радиостанции, но похожих на корабельные или самолётные поблизости не идентифицируют. И вообще-де в данном районе наблюдается плохая проходимость радиоволн. В связи ли с погодными условиями, либо тут так называемая «локационная яма».

«Ну и добре».

Раздав ещё какие-то дополнительные распоряжения, Скопин, прихватив навигационный журнал, направился к себе в каюту. Надо было спокойно посидеть над заполнением, расписав всю последовательность происходящего, указав теперь не только настоящее место, координаты, курс, но и дату – 1944 год.

Вследствие «перехода» они не только оказались в другом часовом поясе, но и «перескочили» с раннего утра за полдень. Это тоже требовалось отобразить, скорректировав корабельный распорядок.

До слуха доносились фоновые звуки: металл задраек, голоса, хождение-топот, дурные децибелы боцмана, подвахтенные, вахтенные – кто ещё не успел, переодевались, сдавая «тропичку» каптёрщикам.

Готовность по кораблю объявили по состоянию «2». Нельзя держать людей в долгом напряжении.

Он даже не подозревал, насколько скоро снова придётся пробить «боевую тревогу».

С первым встречным

- ...она была вся такая, знаешь... не просто женщина – вагиня!!!
- Может, богиня?
- Не-е, именно вагиня! И несла она себя в... в массы, так сказать, с чувством, с толком и расстановкой!
- Замёрзли, старшина?
- Никак нет, – тот одёрнулся, смутился, понимая, что командир умудрился «подкрасться» незаметно, услышав праздный трёп на посту.
- Вижу, замёрзли. Вы эти свои пижонские перчаточки смените на рукавицы. Пальцы, когда вместе – друг дружку греют.

Командир...

Скопин только порадовался адаптивности парней, которые вон... – как ни в чём не бывало: смену погоды – смену места («поменяли» океан) проглотили... о бабах треплются. А смену времени – с 1985-го на 1944-й, конечно, ещё не осознали до конца. В радиорубке единственные ловят какие-то передачи, приоритетно на английском, и морзянку – тоже что-то далёкое и как бы нереальное.

...порадовался и отвлёкся немного, в мыслях:

«Безусловно, в фальшивых негодованиях либералов о правах индивидуума есть своя неоспоримая правда – служивые для правителей и генералов всегда были мясом! Чего стоит одна терминология: „забрить в солдаты, воинская повинность, срок службы“. Что князи, что цари, что руководящая партия – гнали не спрашивая. Так было испокон веков – отправляли за „Землёй Санникова“. Оправданно? Наверное – да. Потому что правда не односторонняя, и в тепличных условиях индивидуума – выживание рода, нации, страны, не обеспечишь. Пожалуй, только вот в такие походы-эксперименты правильно было бы всё же посылать добровольцев».

Через час с небольшим по-прежнему 12-узловой ход боеготовность по кораблю снизили. Послабление по понятным причинам не коснулось сигнальной вахты, что сейчас бдела на продуваемых площадках.

В привычке выходить на мостик, чтоб перекурить, каперанг зябко поёжился. «Как говорится, „насладитесь“ контрастом: только-только вот плавилась под палящим солнцем, и корабль шёл среди бирюзовой синевы тропических широт... А теперь на тебе, пожалте в противоположность – серо, уныло и определённо тянет на морозец. Зато трюмачам, надо думать, будет послабление», – кинув взгляд, кстати, не вниз, где те самые трюмы, а вверх.

Крейсер выполнял предусмотренные на всякий случай (довольно растянутые и почти символические) противолодочные зигзаги. На смене галса ветер бросал порывами, срывая горячий выдох сгораемого в топках мазута вниз на палубу. Козырёк газохода, совмещённый с готт-мачтой дымовой трубы, заметно покрылся копотью.

Чадило как-то уж чрезмерно. Не понравилось.

«Какие-то неполадки котлотурбинной установки? Если верить формулярам, основную беду – трубы главных котлов и паровую арматуру, на СРЗ²⁷ заменили полностью и качественно, должным образом, „отрепетировав“ всю, будь она ладна-неладна, ЭМУ²⁸. И?.. И по хорошему счёту, и по идее, и правильно отрегулированными горелками – мазутный котёл для питания паровых турбин вообще должен дымить минимально. А?..»

²⁷ Судоремонтный завод.

²⁸ ЭМУ – электромеханическая установка.

Попавшийся в проходном коридоре начальник службы БЧ-5²⁹ (его каюта, причём с выносным пультом всех главных манометров и датчиков, находилась напротив командирской) успокоил:

– Это ж обычное дело при переходе с одного эшелона на другой – наружная чистка трубной системы главных котлов. Прожигом «отдыхавшего» эшелона МО³⁰ выгоняет остаточный нагар.

Добавив с философской флегматичностью:

– Ремонт на корабле, особенно в моём хозяйстве, вечен...

– Знаю, знаю, – потрафил Геннадич, повторяя уже не раз слышанное, – «его нельзя прекратить, можно только на какое-то время приостановить».

Расставляя приоритеты напрямую по боевым частям корабля в новых сложившихся обстоятельствах, он, конечно, уделил необходимое внимание и БЧ-5.

Зная, как много зависит от этого уравновешенного инженера³¹, капитана второго ранга, в ведении которого три дивизиона, делящихся на пять групп, и действительно прихотливое хозяйство, и действительно забот по горло... его Скопин честно пред-упредил:

– Не мне вам указывать по вашей части, понятно, что холодные забортные вёды, несомненно, снимут лишнюю нагрузку с ГЭУ³², но расслабляться не стоит. Может сложиться так, что придётся бежать на полном газу. И не один час.

Кавторанг всё понял правильно и не оставлял возможности проведения предупредительных профилактических работ.

Далее Скопин заглянул к себе. На минуту... поворошив бумаги в сейфе – вдруг командование припасло на такой вот исход какие-то директивы (скорей для самоуспокоения, все документы он знал наперечёт). Просмотрел и книжные полки (на тот же предмет – может, что полезное?) – там стандартно: устав, международные своды, служебная и корабельная техническая документация.

Посетовал: «Вот бы где не помешала цифровая интернет-библиотека. Хотя в таком раскладе и Гугл в угол поставит».

Затем мимоходом дал текущие бытовые распоряжения копошашемуся в баталерке вестовому, и... ноги снова вынесли в ходовую рубку.

Там всё спокойно, в рабочем режиме.

Под отчётно-докладной бубнёж старшего лейтенанта на вахте – беглый взгляд на выносные индикаторы, готовый зацепиться лишь за нештатные показатели – не доверять спокойствию несущих вахту оснований не было.

Придрался:

– Что с дворником?

Снаружи на иллюминаторное остекление рубки кропило водяной забортной пылью. Одна из щёточек двигалась с натугой, запаздывая.

– Загустела смазка, – в виноватых и скорей предположительных тонах проямлил старлей.

– Разберитесь.

²⁹ БЧ-5 – дивизион движения, электромеханическая боевая часть.

³⁰ МО – машинное отделение.

³¹ Воинское звание «инженер» приказом министра обороны СССР в 1984 году было упразднено. Однако это не отменяло заложенной в профессиональные обязанности инженерно-технического состава сути.

³² ГЭУ – главная энергетическая установка.

На столе: карты с навигационной прокладкой, курсограммы, планшеты с данными БИП – основное от акустиков и поста РЛС. Пролისტал, просмотрел, прикинул время очередного включения обзорного радара – через десять минут.

«Разворошить окружающее палкой РЛС-излучений?» – ему всё никак не давало покоя лишний раз «светить» своими «киловатто-герцами».

Насколько он знал, помнил... пеленгаторы имелись не только у англичан и американцев. На германских подлодках тоже стояли пассивные устройства, имевшие неплохую эффективность против английских трехсантиметровых станций... да-да, память, выковыряв из глубин, неожиданно подкинула детали именно об этих британских диапазонах.

«Километров за пятьдесят, около того, „Телефункены“ немчуры наверняка секут. Что же тогда говорить о больших чувствительных корабельных или базово-стационарных антеннах англосаксов».

Говорить о принципиальной классификации ныне существующих РЛС, работающих в активном режиме, тоже не приходилось. Наличествующая на крейсере картотека корабельных радиостанций потенциальных оппонентов такую древность не охватывала.

«Ну, там... рабочие частоты наверняка варьировались от дециметровых и выше. До полутора метров. В любом случае...»

В любом случае капитан-лейтенант, старший в дивизионе радиотехнической разведки и РЭБ³³, получил специальный приказ, быть готовым по приказу ГКП³⁴ немедленно в широкодиапазонном спектре подавить любые посторонние РЛС и радиопередачи.

«Разумеется, „на той стороне“ подобное глушение будет воспринято со всей подозрительностью и однозначно как недружественный акт. Но тут остаётся смотреть по обстоятельствам и обстановке – с одиночками патрульными корветами или против примитивного самолётного радара можно и по-играть».

Мысли оборвали...

– Товарищ командир! Антенный пост «Ангара!» Докладывают...

Намеченный в периодичности «мазок» локатора вдруг выявил слабую метку. Старшине-оператору даже показалось, что... показалось. Второй «круг» ему был запрещён.

Выслушав доклад дежурного офицера, Скопин засомневался. Запросил акустиков.

Те ничего кроме фоновых звуков океана не слышали. Как и на посыл акустического импульса, ответно-отражённого эхосигнала не поступило. Что неудивительно: гидрология в диапазоне, близком к поверхности моря, в условиях волнения, однозначно была неудовлетворительная, а предполагаемая цель – скорей всего что-то малоразмерное, возможно с малой осадкой.

На мостике посоветались: радар дал пеленг и ориентировочное расстояние – в оценке общей диспозиции выходило, что, выдерживая прежний курс, неизвестный объект «проплывёт» мимо по траверзу.

– По мне, так пусть плывёт. Однако подождём немного и... поглядим с другого угла.

Вытерпев ожидание чуть менее получаса и пять миль, снова включили обзорный радар. Результат удивил – метка проявилась на прежнем месте.

«Всё правильно, – реабилитировались акустики, – оно не двигается. Работу винтов с такой дистанции мы слышали бы».

Сразу посыпались предположения:

– ...айсберг, отколовшийся от пака Гренландии.

³³ РЭБ – радиоэлектронная борьба.

³⁴ Здесь и далее: ГКП – главный командный пункт, КП – командный пункт.

- ...дохлый кит, терзаемый вездесущими чайками.
- ...брошенная, полузатопленная посуда в дрейфе...
- ...не забываем, мы, как-никак, в зоне боевых действий. Это может быть и спасательный вельбот с уцелевшей командой с потопленной германской субмариной «купца»!³⁵

Не без удивления Скопин подметил, что эта версия штурмана нашла в лицах собравшихся на КП офицеров живой интерес. Особенно когда тот предложил выслать на разведку вертолёт.

«Или всем так не терпится повстречать аборигенов? Чтобы, наконец, непременно убедиться на живых доказательствах в том, что мы действительно там – в „заявленном тут“?! А если там и впрямь бедолаги с отбившегося от конвоя транспорта? В силу вступают неписанные и писанные морские правила, обязывающие оказывать всякую возможную помощь людям, терпящим бедствие. Пф-ф! И на кой ляд нам какие-то пассажиры на борту, в наших-то стеснённых условиях?³⁶ И неперенные хлопоты?.. Ссаживать их потом по пути на какое-нибудь подвернувшееся судно? Или тащить аж до самого Мурманска, где судьба (допустим, это будут канадцы) в режимном СССР сложится неизвестно ещё как... даже держи мы их как пленников, чтоб не увидели чего не нужного».

– А не думали вы, что там, – мотнул он головой в примерном направлении, – всплывшая нацистская подлодка?

³⁵ «Купцами» на флоте называют коммерческие и транспортные гражданские суда.

³⁶ Об этом упоминалось в книге «Вирази эскалации». Конструирование крейсера пр. 1123 было зажато в довольно узкие рамки тоннажа и внутреннего объёма, отсюда очень стеснённая обитаемость корабля. Ко всему не оправдался расчет штатного расписания экипажа, численность личного состава пришлось увеличить.

«Узники» глубин

К исходу 1944 года действия германских кригс-марине в Атлантике утратили чёткость организации.

Миновали «золотые времена»³⁷ результативной тактики «волчьих стай». Небритые «мальчишки папаши Дёница»³⁸ вновь возвращались к «свободной охоте».

И всё чаще лодки не возвращались. Противник демонстрировал доминирующее техническое превосходство. Гнавшие свои конвойные «стада» овчарки-эсминцы оборудовались новейшими гидролокаторами, в составе караванов, как правило, стали ходить эскортные авианосцы, самолёты патрульной авиации оснащались бортовыми радиолокаторами, способными засечь даже выдвинутый из воды перископ.

* * *

В узких и тесных отсеках...

Это был первый выход U-1226³⁹ в боевое патрулирование на атлантические коммуникации, и складывался он неудачно.

Путь из базы Хортен в Норвегии в заданный квадрат развёртывания занял три недели. При пересечении Атлантики экипаж сознательно избегал неоправданных по риску контактов с кораблями противника. Ближе к Исландии вражеское давление только усилилось – патрульные «Либерейторы»⁴⁰, даже ночью засекая РЛС одиночную малозаметную цель, производили бомбометание, вынуждая U-1226 всякий раз скрываться под водой.

Дело усугубила череда технических неисправностей – сбой в работе шноркеля⁴¹ (очевидно, залипание клапана). Что в итоге послужило причиной вынужденного всплытия субмарины. Всплытия в дневное время суток.

Беспокойный океан вытолкнул выдувшую лишней балласт лодку на поверхность, заурчавшую солярным выхлопом, – истощившиеся аккумуляторы неизменно требовали подзарядки. Неожиданно в работе дизелей послышалась неустойчивость, заметная даже непрофессионалу. Старший механик тут же доложил о возникших проблемах и необходимости срочно заглушить двигатели, причём оба. Впрочем, обещая всё исправить... мигом.

Два девятицилиндровых «MANa», стоящих на серии IXC/40, замолчали. Субмарина легла в дрейф, периодически запуская электромоторы, выводившие лодку из положения лага, выправляя нос на волну. Болтало изрядно.

Между тем обещанное «мигом» стармеха затянулось. И только относительная удалённость от чужих берегов и военных баз (в подтверждённом расчёте штурмана всплыли они где-

³⁷ Под «золотым временем» германские подводники называли периоды во второй половине 1940 года и первые восемь месяцев 1942 года, когда немецким субмаринам удалось добиться внушительных результатов, понеся при этом минимальные потери.

³⁸ Причина того, что германские подводники не брились в походе, относится к предметам «дурных примет», как и банально к малокомфортным условиям обитания подводных лодок.

³⁹ Немецкая подводная лодка типа IXC/40.

⁴⁰ В-24 «Liberator» – четырёхмоторный бомбардировщик производства США. Использовался как патрульный противолодочный самолёт.

⁴¹ Шноркель (*нем.* Schnorchelkopf) – по сути, выдвигаемая труба, через которую поступал воздух, позволяя лодке идти под водой на дизелях, не растрчивая энергию аккумуляторов. Система также содержала выпускной канал для выхлопных газов (с глушителем). Механизм имел особенности: в головке трубы был расположен поплавковый клапан для предотвращения попадания забортной воды. При волнении на море, если входное отверстие захлёстывала волна, клапан автоматически закрывался, при этом дизеля начинали выкачивать внутренний воздух субмарины, что вызывало перепад давления, негативно сказываясь на экипаже, вплоть до разрыва барабанных перепонок.

то в четырёхстах милях к юго-востоку от Исландии) являлась успокаивающим фактором, что им удастся остаться вне внимания противника.

Верхняя вахта, вперёдсмотрящие, внимательно следила за небом, за горизонтом... – одетые в тёплые вязанные под горло свитера, накинувшие поверх тяжёлые прорезиненные плащи, привязываясь к рубке специальными ремнями, чтобы их не смыло волной за борт.

Внутри же, в узких отсеках при болтанке не обходилось без того, чтобы кто-то да не приложился об торчащие вентили, различные патрубки и клапаны.

Даже за три недели похода стеснённая утроба подлодки вновь пропиталась сопутствующими запахами человеческих тел, ароматами камбуза, вонью вездесущей солянки...

Успевший отрастить сантиметровую щетину экипаж, рядовой состав, меняющий койку с соседом – с вахты в подвахту (только командир располагал отдельной каютой), выходил наверх по одному – высунувшись в рубочный люк, выцедить папиросу, получить в лицо солёными брызгами, глотнуть свежего воздуха, поглядеть на белый свет.

Какую-то дурную предначертанность видел во всём этом обер-лейтенант цур зее⁴² Август-Вильгельм Клауссен, командир U-1226, подмечая, как безвозвратно, просачиваясь между утренней вахтой и вечерней, уходит время... в свои 25 лет, невзирая на привитую за годы войны оценочность, всё ещё не утративший склонности к лирическим отступлениям: «...будто забортная вода фильтрацией в прохудившихся уплотнителях, точно вот как эта промозглая северная Атлантика сквозь его толстый свитер и двубортную кожаную куртку».

Последняя директива командования, переданная положенным кодом (не придерёшься), однозначно давала понять, что дела на суше приняли совсем уж безысходный оборот.

– Die Flinte ins Korn werfen?⁴³ – прозвучало из его уст поговоркой, уходящей, наверное, ещё во времена ландскнехтов. Смысла впрягаться за Гитлера в этой бойне обер-лейтенант уже не видел.

Мысли о возвращении домой... ностальгические образы далёкого Фатерлянда перечёркивались реалиями сводок с фронтов – сжимающихся тисками с запада и востока. И никакая высокопарная болтовня Геббельса не могла уже затмить горькую правду, лишь предвещавшую большую военную катастрофу рейха.

То, что Германию ждёт незавидная участь, это понимали уже даже самые наивные и упёртые.

«И будет нам как бы не похуже, чем после Великой войны⁴⁴. Тут не прикроешься тем, что не имеешь никакого отношения к разнузданности головорезов из СС на славянских землях. Здесь на западном направлении мы тоже порой, и давно уже, обходимся с противником далеко не по-джентльменски. И коли погибать от рвущихся вокруг глубинных бом, в окружении тонн воды – то всем скопом, в стальном гробу – одним на всех».

...год назад на U-469 сгинул брат Эрнст.

«Если не гибель... – плен?»

Ходили слухи и прочие выуженные из эфира обещания озлобленных британцев, готовых мстить за свой «вчерашний» бессильный страх перед «волчьими стаями», за потери торгового флота и жертвы среди гражданских моряков⁴⁵.

⁴² Zur See (нем.) – по морю, в море.

⁴³ Die Flinte ins Korn werfen (нем.) – «швырять винтовку в зерно». Смысл исходит из солдатского лексикона – швырнуть свою винтовку в кусты или пшеничное поле, прекращая бессмысленные боевые действия.

⁴⁴ «Великая» или «Большая» – здесь, в принятом на Западе значении, относящемся к Первой мировой.

⁴⁵ Реальные факты – англичане скверно обходились с пленёнными германскими подводниками, имели место даже случаи доведения до самоубийства. Можно предположить, что такому отношению в том числе способствовало официальное коммюнике Черчилля, заявившего, что «немецкие U-боты подлые и презренные негодяи, которые топят наши суда, а наши подводники доблестные и благородные рыцари». Самым честным в этом отношении оказался американский адмирал Чарльз Локвуд, возглавлявший подводные силы США на Тихом океане. Когда на Нюрнбергском процессе нациста Дёница обвинили за веде-

«Неизбежные в таком деле жертвы», – передёрнулся Клауссен, будто желая оправдаться. И с радостью отвлекся от тягостных дум – очередная «голова на перекур», высунувшаяся из люка, сообщила, что у оператора радара есть новость – что-то засёк в своих диапазонах.

Выругавшись, обер-лейтенант поспешил вниз, спускаясь по скоб-трапу, стягивая лоснящуюся влагой одежду. Пользоваться стоящим на лодке FuMO⁴⁶ в режиме активного поиска он запретил, полагая... обоснованно полагая, что враг может наводить свои силы на активное излучение радара. Тем более что дальность его действия была, по-честному, никакой.

Ведающий тонкой аппаратурой обер-маат⁴⁷ дисциплинированно пользовался только пассивным радиолокационным обнаружителем и сообщал, что уловил характерный для работы РЛС всплеск. Правда, сигнал был короток и больше не фиксировался.

Подождав немного, общим мнением этот «звоночек» хотели уже списать на вероятный скачок напряжения в радиоэлектронных потрохах приёмника. Однако подтверждение о наличии поблизости противника – надводного корабля – пришло и от акустиков.

– Работа эхолота. Далеко. Но сила импульсов в пике велика. Военный! – безапелляционно заявил старший постá, логично мотивируя: мощной активной гидролокационной системой мог располагать только боевой корабль.

Через некоторое время он уловил и шумы винтов.

Определяясь на ориентир неизвестного источника и, главное, достаточно большую удалённость, обер-лейтенант оценил степень угрозы как низкую, решив, что пока можно посидеть наверху. Не столько переживая за чью-то мощную гидроакустику (в данном случае в надводном положении лодка была в большей безопасности, поскольку волнение на море должно создавать помехи прохождению акустических сигналов вблизи поверхности), сколько опасаясь работы вражеского радара.

Новый импульс не замедлил отобразиться на приёмнике минут через тридцать. Дверь радиорубки была открыта, и «слухачи» свободно поддерживали голосовую связь с центральным постом. Акустик в своих наблюдениях был ещё более уверенным, определяя чёткий пеленг на шум:

– Что-то крупное. Два винта или более. 12–14 узлов. У него немного странные эволюции: явно рисует противолодочный зигзаг, но довольно растянутый. Я бы сказал, спрямляет. Если останется на прежнем курсе, пройдёт мимо на удалении, милях в шести. Очень так предсказуемо пройдёт.

...и повторялся, не снимая наушников, вращая маховик поисковой настройки гидрофонов:

– Очень мощные посылы эхолота. Однако нас не замечает.

– Или мы ему неинтересны, – обмолвился обер-лейтенант, протянув: – В шести милях?..

– Можем его взять? – возрился второй офицер, догадавшись, к чему примеряется командир.

– Как-то всё просто. Может, охотник... подбирается к нам?.. – иду, дескать, по своим делам, никого не вижу, никого не трогаю. Что, говорите, Эрвин?.. – Атаковать? У нас батареи на две трети севшие. Кстати! Запросите стармеха – сколько эта чёртова пауза с дизелями может тянуться?!

Из машинного отделения ответили: «Ещё не-много».

ние «неограниченной подводной войны», Локвуд официальной телеграммой на имя президента Трумэна потребовал предать военному суду и его, так как и «его мальчики» действовали, руководствуясь доктриной «Топи их всех!».

⁴⁶ Радар компании «Logenz», адаптированный для нужд флота под индексом FuMO.

⁴⁷ Обер-маат – звание в германском флоте, относящееся к особой ранговой группе унтер-офицеров.

– Да чтоб его!.. А конкретней?.. – не дожидаясь ответа, Клауссен потянулся за висящим на крючке непромокаемым плащом, решив скоротать время сигаретой, вновь поднявшись наверх, на мостик.

– Внимание вахта – смена, – чередом оповестила трансляция.

– Разрешите заступить? – нарисовался припухший ото сна обер-боцман – четвёртый вахтенный офицер.

– Валяй.

Дизеля заработали спустя пятнадцать минут. По корпусу лодки пробежала перебойная дрожь при запуске. Затем они затарахтели чуть ровнее, накручивая на коленвалах.

– Эй, там. Малые обороты, – гаркнул вниз обер-лейтенант.

2200-сильные МАНы издавали невероятный шум внутри лодки и сильную вибрацию. Казалось, что их слышат на пол-океана.

Особенно вражеские акустики. Серая дымка осенней Атлантики скрывала их там, где-то с правых носовых углов.

Клауссен лишь бросил в ту сторону короткий взгляд, щурясь навстречу пронизывающему ветру и не надеясь что-то разглядеть, если уж верхняя вахта с биноклями молчала... – видимость ни к чёрту.

«Пройдёт стороной? Пусть идёт, кто бы там ни пёрся траверзом. Тем более в свете последней обезоруживающей директивы штаба. А вот что делать нам вообще?..»

Тут он ещё не принял решения.

«Надо обдумать».

ПКР «Москва»

Выдержанная тишина в рубке «Ориона»⁴⁸ подчёркивалась мерным гудом аппаратуры, паразитическими всхлипами, издаваемыми «трансляшкой», и негромкими комментариями боевого расчёта.

За пультом сосредоточенные операторы. В доступе планшетка с подводной обстановкой. Сверху два монитора, один показывал на синем фоне бегущие сверху вниз точки – посылки-ответы импульсов. Второй отсвечивал пассивно-зелёным. На панели станции джойстик управления, отклонением которого реагировала стрелка исполнения поворота гидроакустической антенны.

Старший смены прежде всем сделал выговор:

– Так, орлы. Народ на «Ангаре» что-то засёк, а мы ушами хлопаем. Мне нужен результат. Ориентир нам дали. Слушаем, смотрим.

Крейсер, выдвинув из специальной ниши под килем внушительных размеров обтекатель ГАС⁴⁹, продолжал идти на двенадцати узлах...

И на мнение ответственного офицера гидроакустической группы: если там наверху – на КП, хотят, чтобы они на такой дистанции что-то адекватно словили, для поискового мероприятия это всё же слишком большая скорость – собственные винты и шум механизмов сильно мешали чуткой работе акустиков.

– Есть! – воскликнул один из операторов, выпрямившись в спине, вжимая лопух наушника рукой. – Что-то там шуршит, с заданного направления.

– Точно?

Старшина на мгновение замер, придерживая наушники, и подтвердил:

– Точно. Они сбавили обороты, но... нет, теперь я их не спущу. Могу точно указать и пеленг, и дистанцию.

Лейтенант схватился за трубку корабельной – связи.

* * *

Винто-соосный рокот ушедшего в разведку Ка-25ПС быстро затих. Равно как и силуэт вертолёта, вскоре потерявший очертания, рассеявшийся за расстоянием и дымкой.

Всё осуществилось оперативно и организованно...

«Явно подогреваемое общим энтузиазмом, – счёл для себя капитан 1-го ранга Скопин, – только и ждали моего согласия».

Он и готов был с ними согласиться, понимая, что перехват в эфире далёких адресных и безадресных радиостанций не принимается на стопроцентную веру – их нельзя пощупать, тем более увидеть собственными глазами.

Ему же никаких других подтверждений не требовалось. Было уже как-то...⁵⁰

Хотя в своём решении он склонялся к другой мотивации.

«Стремление избежать любых контактов сродни „накрыться одеялом с головой – авось пронесёт мимо“... и, в общем-то, не очень правильно. Конечно, вылезая на рожон, мы можем себя скомпрометировать, но... Идёт война, это обостряет агрессивное внимание всех участников всех воинствующих сторон. Мы не можем игнорировать какие-то неочевидные, потенци-

⁴⁸ Гидроакустическая станция МГ-342 «Орион».

⁴⁹ 21-метровый обтекатель подкильной ГАС «Орион», приводясь в рабочее состояние, выдвигался из днища корабля посредством специального подъёмно-опускного устройства (ПОУ) вниз на семь метров.

⁵⁰ Намёк на события книги «Одинокий рейд».

альные факторы, которые запросто могут оформиться в прямую угрозу. Следует держать нос по ветру».

– Меняем курс? – услышал он негромкое.

Переспрашивая:

– Что?

Оказывается, про «держать нос по ветру» выскочило у него бормотанием вслух, и вахтенный, приняв буквально, решил всё же прояснить.

– Нет, нет. Идём прежним.

На пульте ГГС⁵¹ загорелась лампочка связи с вертолётным ангаром – принял старпом – дежурный офицер БЧ-6⁵² детализировал предварительные распоряжения: экипаж «вертушки» проинструктирован на предельную осторожность и соблюдение радиомолчания. В том числе уточняя, что на крайний случай (как необходимая мера для экстренной поддержки связи) мощность их бортового УКВ-радио-передатчика «прикрутили» в половину – дальность действия не будет превышать шестидесяти километров.

Помощник поднял вопросительный взгляд...

Командир молча кивком одобрил... – вполне адекватная мера.

⁵¹ ГГС – корабельная громкая связь.

⁵² БЧ-6 – авиационная часть на корабле.

U-1226

Встречные волны беспрепятственно перекатывались поверх полупогружённого корпуса субмарины, хлётко разбивались о рубочные выступы, беспощадно обдавая ледяными брызгами всех, кто нёс верхнюю вахту.

Вырванный ветром чужеродный звук сразу насторожил...

Обер-лейтенант Клауссен тоже постарался отстраниться от резонирующей вибрации дизелей и всеобъемлющего хлокота океана, обращаясь в слух.

– Оттуда, – неуверенно проговорил один из вперёдсмотрящих, взявшись за бинокль, водя им в поиске на северные румбы, – жужжит, гад... похоже, что...

Зудящие тональности приближающегося двигателя нарастали.

– Вижу! Вон он – низко! Бреющим! Самолёт! – матрос-сигнальщик, энергично жестикулируя, указал направление.

Теперь и командир U-1226 смог поймать в свой «Цейс» показавшийся из дымки нечёткий силуэт... к собственному смущению, замешкавшийся с отдачей необходимой в данном случае команды.

Зато вышколенный расчёт 20-мм зенитного автомата FlaK, смонтированного на платформе в задней части рубки, мешкать не стал... и незамедлительно по боевой готовности открыл огонь, огласившись пороховым треском и лязганьем затвора.

...В насыщенный влагой воздух умчал дымный фееричный след выпущенной очереди, чуть изгибающий траекторию на излёте... в цель?... мимо?..

Обер-лейтенант Клауссен, получив очередную порцию брызг, сбивших ему фокус наблюдения, всё же успел увидеть, как вражескую машину резко повалило в сторону, просаживая ещё ниже к воде, где она исчезла в туманной взвеси...

Гортанный крик кого-то из матросов «Попали! Мы её сбили!» в конце фразы дал неуверенную слабину...

...и обер-лейтенант наконец проорал ту самую, доннерветтер⁵³, необходимую команду: – Алярм!!! Погружение! Срочное! Всем покинуть мостик!

Германские подводные лодки, как всяко и практически прочие, ныряли под воду за счёт перестановки рулей глубины и заполнения балластных цистерн.

Субмарина типа IXC/40, к которой относится U-1226, была способна скрыться с глаз менее чем за полминуты.

При срочном погружении перекладкой рулей возникал довольно большой отрицательный угол дифферента – все, что не закреплено, сыпалось в сторону носа.

Чередка коротких распорядительных и исполнительных окриков, чертыханья тех, кто не успел – ухватиться для равновесия – под этот сопутствующий «аккомпанемент» Клауссен, привычно устроившийся в центральном отсеке, искал причину своего промедления наверху.

Собственно команда на срочное погружение при воздушной опасности должна была выполняться едва ли не по умолчанию. Только это их и спасало в течение последних дней от неожиданных атак вражеской противолодочной авиации.

«Звук, – сообразил обер-лейтенант, – это был не четырёхмоторный „Либерейтор“ или „Усталая пчела“⁵⁴. Да и не „Каталина“. Так стрекотать мог только небольшой тихоходный само-

⁵³ Donnerwetter (нем.) – можно перевести как «чёрт возьми».

⁵⁴ «Усталая пчела» – прозвище, данное немцами британской четырёхмоторной летающей лодке Short S.25 «Sunderland» за характерный звук двигателей.

лёт. Например, биплан, поднявшийся с помощью катапульты с борта корабля». Только поэтому они оставались наверху, а не нырнули точно мыши по одному в нору люка.

Удовлетворившись своей почти бессознательной реакцией, мысленно назвав её «профессиональной», Клауссен примирительно согласился: «Маленькую лоханку-амфибию вполне можно было и сшибить. Натасканный расчёт и открыл огонь, без предварительных окриков, самостоятельно».

– Это был корабельный поплавковый разведчик-биплан? – спросил он у старшего сигнальной вахты. – Я плохо разглядел.

– Ганс говорит, что-то похожее на автожир или вертолёт. Нас предупреждали, что американцы имеют такие на вооружении, – обер-фенрих⁵⁵ пожал плечами. – Возможно, зенитчикам удалось его зацепить.

Оба непроизвольно взглянули вверх, представляя пятьдесят метров воды, отделяющие субмарину от поверхности, и выше – враждебное небо.

Сбили или нет – неизвестно. Загрохочут ли над головой глубинные бомбы? Даже маленький гидроплан вполне мог нести парочку. Технически был способен и вертолёт. Сколько минут прошло? – Тишина...

Тишину нарушил акустик:

– Корабль по пеленгу 20 увеличил ход!

...Помолчав напряжённой паузой, снова заговорил о мощных звуковых посылах чужого гидролокатора:

– Проклятье. Это не обычные «звончики дьявола»!⁵⁶

Спустя некоторое время он с тревогой сообщил о том, что дистанция начала уменьшаться. И продолжает сокращаться. Из чего следовало, что вражеский корабль сменил курс и двинул в их сторону.

Намерения его были понятны.

⁵⁵ Фенрих цур зее – звание в кригсмарине, относящееся к младшим унтер-офицерам.

⁵⁶ «Звонками дьявола» германские подводники назвали работу британских гидролокаторов ASDIC (от заглавных букв *Anti-Submarine Detection Investigation Committee*); посылаемые импульсы отдавались щелчками по корпусу лодки, предвещавшими скорое обнаружение и последующую атаку глубинными бомбами.

ПКР «Москва»

В ходовой рубке крейсера коротко брошенное экипажем Ка-25 сообщение: «База, – борт „четыре-четыре“, попали под зенитный огонь неизвестной подлодки...» разом колыхнуло атмосферу.

С языка командира так и просилось гавкнуть: «Ну что, мать его, получили доказательства?!»

Не стал. Требовательно зачастил вопросами:

– И?.. Под какой огонь – пулемётный? Пушечный? Или наоборот – ПЗРК? Чего молчат?

– Радиомолчание, – промямлил объяснение лейтенант, отвечающий за связь, заметно сбитый с толку этим «наоборот» командира, дурацким в нелогичности.

– Или они уже в воде бултыхаются, в спасжилетах? – давил кэп.

Летёха потянулся к пультам – дать команду связистам... и отдернул руку – дальность действия Р-860⁵⁷ на «Камове», как известно, «прикрутили». О том, чтобы ограничить мощность излучения корабельной радиостанции, речи не велось. Распоряжение о «радиомолчании» на крейсере никто не отменял.

Выручил пост «Ангары», у которого произошло очередное включение на обзор, вовремя «опознав» низковысотную цель по заданному пеленгу как свою «вертушку». По данным радиометристов, Ка-25 возвращался.

Картинку актуально «дорисовали» акустики, чутко отслеживая «контакт»:

– ПЛ⁵⁸, судя по всему, погрузилась. «Берём» её во всех режимах.

– Фу-ты ну-ты! – выдохнул облегчённо Скопин... попавшая в переделку «вертушка» заставила пережить несколько нервных минут. – Старпом, командуйте: лево руля, ход до восемнадцати, а вообще на слух и потребность акустиков, чтоб «контакт» не потеряли. Они же пусть дадут дистанцию: цель – субмарина, выходим на шесть тысяч и накрываем из РБУ⁵⁹.

После коротких исполнительных репетований крейсер, качнувшись лагом к волне, становился по ветру. Две носовые установки реактивных бомбомётов в автоматическом режиме производили зарядку стволов глубинными бомбами.

Отдавший необходимые распоряжения помощник, однако, выразил сомнение:

– Цель? А если это британцы или канадцы? Или американцы по ошибке?..

– Сигнальщики, видимость по горизонту? – командир проигнорировал вопрос.

Погодные условия оставались неизменными: насыщенный влагой воздух непосредственно над самой поверхностью моря сводил дальность визуального наблюдения в четыре, от силы в четыре с половиной мили. В зависимости от направления – на север или на юг. Выше хмарились низкие серые облака, местами попадались просветы.

– Кажется, наблюдаем «вертушку», – доложили сигнальщики с мостика.

– Нормально. Вертолёту отсигнальте ратьером – (думаю, мощный прожектор они увидят) – пусть остаётся в воздухе в барраже.

Подумал: «Забьём лодку – соберут трофеи... для сомневающихся».

И глянул на сомневающихся.

– С чего бы тут быть канадским ПЛ? Или британским? Против кого им тут воевать? А если и даже – с какого перепугу они бы стали сразу палить по воздушным целям, когда здесь

⁵⁷ Р-860 «Перо» – бортовая УКВ-радиостанция на Ка-25.

⁵⁸ ПЛ – подводная лодка.

⁵⁹ РБУ-6000 «Смерч-2» – реактивно-бомбомётная установка. Здесь «6000» показатель дальности действия.

кроме союзнической авиации, никакой другой нет? Нет. Немчурá это! Влепили и аусвайса не спросили.

У янки же подплав вообще, по-моему, в основном оперировал на Тихом океане. Там у них Локвуд, адмирал, рулит – низводит транспортный тоннаж империи самураев до мизера. Да и боевым не брезгует. Как раз примерно в конце ноября американская «Арчерфиш» должна утопить только что вступивший в строй авианосец «Синано» – переделку из линкора, что-то около семидесяти тысяч тонн. Прямо где-то под боком у островов японской метрополии, не сильно-то и вспотев.

«Зачем вспомнил? Зачем сказал? Память иногда подкидывает такие штуки, не относящиеся напрямую к делу. Хотя, кто его знает, что может пригодиться из тех имеемых знаний по нынешнему периоду (так и хочется добавить „историческому“) – тут любая информация военно-ценная».

К нему быстро вернулось невозмутимое спокойствие. Реакция – скоропостижное решение «атаковать субмарину», пусть и вступив в противоречие со своими же прежними установками «не ввязываться в войну», далось легко.

Легко, но не легкомысленно: цель одиночная, в заведомо проигрышной позиции.

«В конце концов, куда ей там – подлодке „давно прошедшей войны“ – тягаться против электронной и боевой начинки, отстоящей в развитии на поколение. А у нас, в конце концов, историческая справедливость – наши мёртвые, не вернувшиеся с фронтов Великой Отечественной, погибшие в концлагерях, под оккупацией, нас бы не поняли. И экипажу нужно встряхнуться. И проникнуться пониманием – куда попали. Ещё бы последом трофеи взять, что-нибудь эдакое: вытащить из соляровой воды промасленный нацистский флаг или китель, чего уж там, самого капитана цур зее, с железным крестом, с орлами и свастикой».

Напоминало ему это всё, правда... – как-то с атаки на ПЛ у него уже однажды начиналось⁶⁰.

⁶⁰ Снова отсылка к книге «Одинокий рейд».

U-Boot

Уходить на большую глубину обер-лейтенант Клауссен не торопился.

Вражеский корабль был ещё сравнительно далеко, чтобы опасаться с его стороны прямых противоположных действий. Времени для манёвра оставалось достаточно.

Не последовала до сих пор и воздушная атака, и командир U-1226 всё более склонялся к удобной позиции, что они либо повредили, либо действительно смогли сбить гидросамолёт.

«Или, как уверяет верхняя вахта, вертолет», – поправился Клауссен.

Тот самый сигнальщик Ганс, кстати, после недолгих колебаний, смущённый от собственной неуверенности, поделился ещё одним своим наблюдением:

– Герр обер-лейтенант, не совсем ручаюсь, но, по-моему, я заметил у него на фюзеляже опознавательные знаки, очень похожие на красные звёзды большевиков.

Здесь действительно можно было бы усомниться... если бы не наводящие моменты, связанные с перехватом в эфире.

Весь радиотрафик военного назначения «союзники» тщательно шифровали. Для прослушивания вражеского радиообмена на субмарине имелось два специальных приёмника. Один из которых, как правило, в дальнем походе настраивали на волну любой широкополосной станции, подключая к системе внутрилодочной трансляции, скорее для развлечения экипажа.

Интересней было ловить переговоры радиоточек патрульных самолётов или гражданских судов. Последние шифром не пользовались и могли сболтнуть что-нибудь полезное в плане информации.

Одно такое сообщение заинтересованный повышенной импульсивностью переговоров Клауссен услышал лично, сам надев наушники, подстраивая верньер настройки потрескивающего и подвывающего радиоприёмника – кто-то дважды, прежде чем его забило бесперебойной «морзянкой», протараторил рифмованной скороговоркой прямого текста: «Этэншн, этэншн! Рашин-капер-шипс он комуникэйшн»⁶¹.

«Русские?!»

Признавая упорство англичан, равно как и поднявших свой технический уровень американцев, обер-лейтенант вдруг обнаружил, что воспринимает русских, руководствуясь исключительно пропагандой от господина Геббельса, кричащего, что «красные варвары на Восточном фронте оплачивают свои победы исключительно горой собственных трупов».

Любая бравада на берегу, здесь в море, под водой и тем более под обстрелом, приобретала иной оттенок. Потопить неуклюжий транспорт куда как проще. Эскортное прикрытие конвоев вносило в эту задачу свои сложности, и престижные привилегии – записать на свой счёт боевой корабль.

Сейчас выбор сам шёл в руки.

Акустик начинал «увеличивать» тоннаж неизвестного судна, со знанием дела заверяя, что шумы, издаваемые любым транспортом от быстровращающихся винтов военного корабля, он уж отличит:

– Класса не меньше тяжёлого крейсера. По-прежнему не фиксирую присутствия какого-либо эскорта.

Отсутствие эскорта превращало корабль-одиночку в заманчивую цель.

Так почему бы нет?! Тем более что лучший способ избежать нападения – напасть самому.

До сих пор U-1226 не произвела ни одной атаки. И это, признаться, задевало двадцатипятилетнего Августа-Вильгельма Клауссена. Громкая победа подняла бы его авторитет в глазах экипажа. Да и в собственных глазах.

⁶¹ Что-то типа: «Внимание, внимание, русские корабли-пираты на коммуникациях».

– Взять их на пенную дорожку?.. – будто прочитал мысли командира второй офицер.

В течение следующих десятка минут лодка активно маневрировала, а экипаж, взвинченный командой подготовки к атаке: «Achtung! Auf Gefechtststionen!», забегал, заскользил в тесных проёмах люков, занимая боевые места.

– Акустик?! – запрашивали с центрального поста, получая обнадеживающее:

– Цель сохраняет прежний генеральный курс. «Контакт» поддерживаю устойчивый.

– Машинное! Какова плотность аккумуляторных батарей?

Принимая и оттуда доклад, не самый... но вполне терпимый.

Большая дистанция до цели позволяла растянуть все отработанные манипуляции, подходя к делу с выдержанным тщанием. Впрочем, нормативы и тут соблюдались – команда соскучилась по боевой работе.

– Глубина 12, тихий ход, поднять перископ... опустить перископ, – прильнув к окулярам, только лишь для того, чтобы убедиться – видимость по горизонту сохраняется прежней и не позволяет обнаружить цель визуально. В то время как угроза быть замеченным с воздуха вполне сохранялась.

– Глубина на 30. Угол погружения 10 градусов... выравниваем.

– Шумы усаливаются.

– Зигзагом?

– Как водится. Не особо они утруждают себя зигзагом. Предсказуемо. Слышу их чётко. Пеленг 25, скорость 16–18.

В притихшей тишине (не тавтология) слышалось привычное шуршание забортной воды, обтекавшей обводы субмарины, ноющие звуки электромоторов, бормочущий голос матроса, следящего за глубиной погружения, сдавленное покашливание простывшего второго вахтенного офицера.

– Зарядить носовые аппараты: «один», «два», «три», «четыре», торпеды парогазовые, самонаводящиеся, – мягко и негромко, будто смакуя сказанное, распорядился Клауссен. Наблюдая, как на панели счётно-решающего прибора управления торпедной стрельбой загорались пронумерованные контрольные лампочки готовности.

– Задать последовательность пуска и интервал.

Большая дистанция, волнение на море и какой-никакой зигзаг вражеского корабля усложняли расчёт атаки. Боцман вручную вводил данные: скорость и курсовой угол цели, её положение (справа или слева по курсу лодки); окончательный выбор скорости торпед, глубины их хода и, главное – атакующий режим.

Ставку здесь обер-лейтенант делал на полученные малой партией новейшие торпеды G7as с активной системой «Flachenabsuchender Torpedo» в модификации T5⁶².

– Ход малый. Скорость шесть узлов. Пеленг на цель – тридцать семь. Дистанция – четыре семьсот. Угол атаки – двадцать.

– Что? Что там, акустик? – немедленно уточнял вахтенный, услышав возглас из соседнего отсека.

– Цель – левый координат, дистанция уменьшается.

– Руль лево на десять.

Считывая курс по репитеру компаса, рулевой сориентировал лодку в указанном направлении.

⁶² Flachenabsuchender Torpedo (нем.) – торпеда со спиральной циркуляцией. После прохождения назначенной дистанции (дальность хода до 12 500 м) торпеда поворачивала в любую сторону на угол до 135°. Далее задавая поисковое движение «змейкой» при скорости 5–7 узлов с диаметром циркуляции 300 метров. На конечном участке (в модификации «Т5») включалась электронная система улавливания акустических шумов (самонаведение), настроенная на частоту кавитаций около 24,5 кГц, которая была эквивалентна шумам вращения винтов кораблей на скоростях от 10 до 18 узлов.

– Атаку производим по акустическим данным, – объявил командир, положив ладони на ручки перископа, в привычке, лишь бы куда-нибудь их деть... нервишки начинали натягиваться. Произноса с растяжкой:

– Четырёх... подвухторпедный залп носовыми... с временным интервалом в пять секунд!

Второй вахтенный, сопя простуженным носом, подтвердил чередой оповещений:

– Контроль. Пуск! Пошла номер один. Вторая... аппарат номер три, вышла!..

Два мягких толчка...

Лишённую веса торпед лодку подбросило носом вверх, тут же компенсируя принятием воды в балласт.

– «Угря» им под ватерлинию! – не удержался угрюмой ухмылкой боцман⁶³.

Ему вторили кто во что горазд:

– Воткнуть «свечку» в борт.

– Аппарат «два» – пуск! Четвёртая... – пуск!

Лодка снова вздрагивала... снова донося характерное шипение из носового отсека – сжатый воздух, вытолкнувший торпеду, во избежание выхода воздушных пузырьков наверх, стравливался во-внутрь.

– Погружение на сто метров, – сразу же следовал приказ обер-лейтенанта, почти скороговоркой вносящего уточняющие корректировки, – курсовое уклонение 15 градусов вправо. Смена позиции. Перезарядить аппараты, торпеды электрические. Акустик, внимание – слушаем!

⁶³ «Угорь» – жаргонное название торпед у германских подводников.

ПКР «Москва»

Какое-то вымученное противоречие: будучи полностью уверенным, не видя никаких сложностей с выполнением задачи, соблюдая полное и внешнее спокойствие... вдруг изгонять из головы недобрые спонтанные образы.

То, что скрыто с глаз, всегда таило в себе затаённую неясность, настораживая.

Крейсер давил океан на «восемнадцати», разбивая попутные накат за накатом, неумолимо вбирая дистанцию к намеченным шести тысячам.

Цель впереди, нацистская субмарина – порождённое небывалым экспериментом эхо прошедшей войны, и в то же время голая и злая реальность.

Пилоты «Камова» уже попадали там под обстрел, убедившись воочию.

И уже мчали оттуда, с носовых углов, пущенные ею торпеды. Опять же, отсюда из рубки, лично ему, невидимые, не слышимые. Фиксируемые лишь акустиками, ведущими обратный отсчёт в суммарно встречных скоростях.

Их (одну из...) по каким-то прихотям жанра увидели всё те же вертолётчики, снова нарушив радиомолчание:

– Торпеда! Видим след!..

Стремительно бегущая на глубине метра три-четыре, оставляющая за собой пузырящуюся кавитацию, которая, вспухая к поверхности, извивалась белой прыгающей по рельефу волн дорожкой.

– Пусть убираются с директрисы! – гавкал (а иначе и не скажешь) приказ Скопин.

Установки РБУ «Смерч» заряжены... подняты... развёрнуты... замерли в выдержанных углах горизонтального и вертикального наведения. Прибор управления стрельбой автоматически задавал значения глубины подрыва...

Минуты до команды на залп!

– Цели в зоне поражения.

И когда, накрыв их заслоном глубинных бомб, акустики на время оглохли, вследствие множественных подводных детонаций... из всей этой какофонии операторы гидроакустической станции вынесли промежуточный вердикт – одна торпеда осталась непоражённой. Что было некритично – производилась штатная перезарядка РБУ – реактивные снаряды один за другим в механической очерёдности вгонялись в пакет стволов, уже готовые снова ввестись в действие. Довершить дело...

Вот тут гидроакустический пост неожиданно «сбил прицел»:

– Цель совершила уклонение! – «проседая» в контроле за ситуацией, покуда нарабатывался новый алгоритм атаки – буквально и всего лишь десятков тикающих секунд, пока шёл расчёт по упреждению и другим параметрам в системе целеуказания и наведения.

В этот сиюминутный интервал его всё же дёрнуло: «Ну, ничего ж себе, сука, нежданчик от кригсмарине! Управляемая?!»

Впрочем...

Впрочем, этим всё и ограничилось.

Торпеда, как обстоятельно доложили с поста «Ориона», «вышла на циркуляцию малого хода в пределах семи узлов». И была без труда уничтожена.

«На дистанции шесть кабельтовых», – внесёт запись в журнал вахтенный офицер.

Капитан 1-го ранга Скопин даже вскинет бинокль – взглянуть сквозь остекление рубки: череда опадающих всплесков за километр по носу корабля.

– Слышу я, слышу, – разумеется, не пропустив обращённое к нему «товарищ командир».

– Товарищ командир, подлодка... цель номер один в зоне поражения!

Крейсер уже вышел на необходимый для удара рубеж. Однако к немедленному применению была готова только одна РБУ. С ходовой рубки было видно, как кинематика отстрелявшейся по торпедной установке затеяла «механический танец» перезарядки⁶⁴. Три минуты по нормативу.

«Не стоит ждать даже эти три, – посчитал Скопин, – гансы высадили первую порцию с большой дистанции. Сейчас поймут, что безрезультатно, заправят торпедные аппараты по новой, пальнут повторно. Возись потом... трать боеприпасы».

Коротко отдал распоряжение:

– Уничтожить субмарину.

...подхваченное расчётами БЧ-3⁶⁵:

– Стрельба в настоящее место цели... пеленг... дистанция... залп!

Новая пачка зарядов посекудного отстрела (12 стволов – 2,4 выстрела в секунду) реактивным рёвом ушла по касательной вдаль, где-то там, в заданном месте и глубине «прокипятив» воду...

Командир снова поднял бинокль, однако на дистанции пяти с лишним километров мало что разглядев.

Корабль продолжал буровить океан, акустики прислушивались, в рабочем говоре «ходовой» – докладах и командах, ни намёка на повышенный тон, всё чётко и сухо. Однако Геннадийч угадывал в этой сдержанности и толику сомнений в принадлежности субмарины.

– Радио от «вертушки», – известил офицер на связи, – свидетельствуют уничтожение ПЛ.

– Цель поражена, – наконец дали положительный результат и акустики.

– Отбой атаки.

– Ага-а! – с нарочитым довольством воскликнул каперанг, заметив оптикой чуть в стороне точку вертолёт. – «Свидетельствуют», говорите? Отсемафорьте им: пусть снимут с воды что-нибудь свидетельствующее – кого мы там утопили.

⁶⁴ Перезарядка РБУ – пакет стволов опускался на угол 90° и, последовательно поворачиваясь вокруг своей оси, поочередно загружался боеприпасами из погреба через люк подачи.

⁶⁵ БЧ-3 – минно-торпедная боевая часть.

Ка-25ПС

Они сегодня оказались прямо-таки зрителями в первых рядах.

И... повезло им, когда в неадекватной оценке предполётного инструктажа: «соблюдать осторожность», едва не подставились под очередь из 20-миллиметрового FlaK – сбившись с пеленга, прозевав выплывший из марева по левой стороне вытянутый силуэт подлодки, мигом озарившийся вспышками выстрелов.

Немец, тот воспринимал окружающее серьёзно, с должной бдительностью, иначе и быть не могло – 1944-й, война.

Всё могло закончиться и хуже. Но установленный ниже на уступе рубки U-1226 зенитный 37-миллиметровый полуавтомат остался не задействованным, вследствие перекатывающихся и захлёстывающих волн. К тому же цель оказалась нетипичной, наводчики взяли неправильное упреждение, болтанка не дала нормально прицелиться. Да и опомнившийся командир субмарины практически сразу приказал погружаться.

Жужжала неслышимая (сами-то в наушниках) «Красногорск-16» – ручная кинокамера фотолюбителя старшего мичмана из техников БЧ-6, полетевшего «пассажиром».

«Камов» висел над волнами. Позицию заняли в полутора километрах, снимая взбитый подводными взрывами океан.

Неожиданно среди кипящих всплесков показалось что-то существенное...

Все дружно ахнули!

Лодку вытолкнуло вверх – в пенных выбросах бурлящей воды геометрия чёрного корпуса будто пошла на излом.

Или показалось?

«Ничего, – старшина старательно сохранял равновесие, чтоб не дрогнуло изображение – не упустить впечатляющих кадров, – проявленная плёнка покажет».

Субмарина недолго оставалась на поверхности, задирая носовую часть, избитая обшивка окончательно утратила запас плавучести и... минуты не прошло – ушла на дно.

Сообщили об увиденном, предупредив. Направив вертолёт – пройтись над местом, посмотреть.

Океан рисовал на своей беспокойной поверхности длинные пенные полосы, вытянутые, влекомые по ветру. Жирное масляное пятно, образовавшееся на месте катастрофы, стало расплзаться – его было видно издалека.

Уже ближе примечали и немногочисленные всплывшие обломки – унылое и безжалостное свидетельство гибели нескольких десятков человек⁶⁶.

Борттехник, выглядывая в приоткрытую дверь, словно уловил возникшее общее настроение и молчаливую паузу, проговорив по внутренней связи:

– Нам ли переживать за фашистов...

– А фашистов ли? Ты веришь, что...

– С «Москвы» опять лампой морзянят, – перебил возгласом старшина, кроме всего прочего отвечающий за репетование сигналов с корабля.

– Что передают?

⁶⁶ В реальной истории U-1226 и пропала в 1944 году. Последний контакт с субмариной, из ориентировочного местоположения – 650 км к югу от Исландии, был 23 октября, сообщением о неисправности шноркеля. Больше от неё никаких известий не поступало.

- Ща, погодите, строчат сигнальцы, как из пулемёта. Есть, понял. Чёрт! Разматываем лебёдку. Попробуем подцепить что-нибудь из обломков. Приказано.
- Интересно, и как они там себе это представляют? Нам что, с багром вниз спускаться?
- Я вижу! – воскликнул борттехник. – Там кто-то есть! Шевелится. Выживший.
- Опа-на! Пленный супостат?! Будем брать? Вадим Иваныч, у тебя пистоль наготове?

Круги на воде

– Право на борт. Возвращаемся на прежний курс. Снизить до двенадцати.

Всё ещё сохраняя инерцию 18-узлового хода, крейсер при перекладке ощутимо крепился. По завершении координаты, после положенных и сопутствующих «Отводить», «Одерживать», «Прямо», рулевой громко подтвердил:

– На румбе 340 градусов.

Приближающийся вертолёт исчез из поля зрения, забегая за корму – крейсер будто специально поставлял полётную палубу для посадки.

– Пойдёмте, что ли, взглянем?.. – предложил Скопин полковнику КГБ, который, кстати, всю эпопею с подлодкой молчком простоял за спиной.

Из ходовой в ангар надстройки, куда должны были принять «вертушку», – совсем рядом – спуститься тремя трапами ниже, чуть пройти коридором. Пока топали, успели перекинуться «парой фраз», вкрадчивой инициативой особиста:

– Побили лежачих?..

– Вы про лёгкость, с какой мы уложили «немца»?

– Так сказал ваш старший штурманской части.

– Были бы «лежачие», если бы мы подняли пару заряженных гидробуями и глубинками противолодочных Ка-25. А так... почитай честный выход один на один. Но признаюсь, не ожидал, что они там, в У-боте, такими прыткими окажутся. Нет, то, что кригсмарине стали первыми применять самонаводящиеся торпеды, это я ещё из курсов помню. Однако британцы в своих хрониках (историю пишут победители) как-то обтекаемо отзывались об их эффективности. Наверное, в силу своей склонности не превозносить противника, – Геннадьич пожал плечами. – Но... наши-то деды-прадеды, даром ли говорили: «немец – вояка серьёзный». Так что хорошо.

– Хорошо?!

– Конечно. Будет нам уроком – не так просты аборигены. Поделом. Мобилизует.

– А что там на ваше об успехах американцев во Второй мировой войне против Японии... штурман тоже как-то уж живо отреагировал, – в мягких паузах «комитетчика» проглядывалось что-то ещё, кроме праздного любопытства.

– Живо?! Командир БЧ-1 у нас товарищ, зело интересующийся военной историей, войной на море, в силу своей флотской специальности. А масштаб морских сражений, что происходили на Тихом океане, несравним с другими театрами военных действий. Драки были жёсткие: крейсерские бои, дуэли эсминцев, линкоры, авианосцы против авианосцев. Кораблей потоплено с обеих сторон немерено. В Союзе как-то об этом подробностями особо не баловали. Из политических соображений. Чтобы не превозносить заслуги «союзников», да чтоб советский народ не вздумал «возлюбить ближнего». Нам-то, понятно, в военных училищах обязательный разбор известных морских кампаний всяко проводили. Но по мне так, без захватывающих изысков. Поэтому...

– ...Ой, – Скопин даже приостановился от удивления, – да вы никак капитан-лейтенанта в диссидентстве заподозрили?!

...и не скрывал сарказма:

– И вы туда же?.. Это ж замполитово дело. Или шпионов, казачков засланных ищите? Из ЦРУ?

– Из ГРУ, – резко пробурчал особист.

– Сейчас что КГБ, что ГРУ, с ВМФ в придачу – одинаково. Здесь мы все в одной лодке, – не стал обострять Скопин. Не вдаваясь, передразнил ли так полковник или серьёзно озабочен наличием на корабле коллег-конкурентов из разведки.

Тем более что пришли уже...

* * *

«Крейсер потопил чью-то подлодку» – об этом по кораблю успело расползтись. Народу в ангаре – «посмотреть на живого фашиста» – собралось с перебором.

При появлении командира те, которых тут не должно было быть, «постарались стать невидимыми». Хотя выразилось это скорей в том, что, кроме двух караульных матросов с автоматами и пары медиков, остальные попросту расступились, открывая начальству доступ к вызволенным из воды.

Руководивший корабельным лазаретом капитан медицинской службы практически закончил предварительный осмотр, тут же отчитываясь:

– У одного все признаки умеренной гипотермии: невнятная речь, оцепенение⁶⁷. Второй в норме, – спохватываясь – к окружающим: – Эй, кто-нибудь даст им наконец что-нибудь тёплое?

Немцы сидели полураздетые. Одного трясло, он горячечно бормотал – жалкое зрелище. Второй явно оказался покрепче – смотрел прямо, почти с вызовом.

Никакой нацистской атрибутики на них, кроме размашистого орла на майке со свастикой, не было. Но советским морякам и лётчикам и этого, очевидно, вполне хватало, чтобы реагировать крайне сурово. Что-либо из сменной одежды нести пленникам особо не спешили. Кто-то даже бурчал, мол, «теперь после фрицев драить палубу» – в стороне валялась комком мокрая грудa немецкого тряпья, спасательные жилеты и что-то похожее на дыхательный аппарат, видимо использованный для спасения из тонущей лодки. Всё это уже успело запачкать линолеум разводами соляры.

«Надо же, сколько в наших людях укоренилось ненависти к фашикам», – почему-то удивился Скопин. Наряду с этим тоже почувствовав это – пара самых что ни на есть настоящих гитлеровцев (особенно вот этот борзый) определённо разбередили «старые дедовские раны» и у него.

Всякое любопытство вдруг угасло. Задерживаться тут он не собирался, тем более что «трансляшка» голосом вахтенного вызвала командира на мостик.

Обернувшись к особисту, каперанг указал на пленных:

– Интересуют? В качестве объектов информации?

Не дожидаясь ответа, увидев примчавшего впопыхах замполита, решил перекинуть на него всю свалившуюся случаем возню:

– Товарищ капитан третьего ранга, организуйте размещение и допрос пленных. Есть у нас кто силён в германских наречиях?

* * *

Информация поступила с поста РТС⁶⁸, всё тем же круговым обзором антенны МР-310 «Ангара-А».

– Три отметки. По пеленгу 270 градусов. Надводные, – по возможности сжато докладывал старший офицер боевой части, – взяли их на предельной дальности – по радиогоризонту.

⁶⁷ Гипотермия – переохлаждение организма до состояния, когда температура тела падает ниже необходимой для нормального обмена веществ и функционирования.

⁶⁸ РТС – радиотехническая служба. В дальнейшем: «эртэ-эсники» – личный состав, относящийся к данной боевой части.

По всем признакам «зацепились» за кончики мачт. Если в повторе – ранее с того же ориентировочного пеленга в пассивном режиме фиксировали неоднократную обрывочную работу неопознанных РЛС. В общем-то... не считая ещё нескольких, с нескольких направлений. Ко всему «Восходом»⁶⁹ на норде уверенно засекли воздушную цель. Эту далеко, четыреста километров.

Выслушав, Скопин пожал плечами:

– Было бы странно, если бы в районах, прилегающих к Исландии, не кружили патрульные самолёты, странно было бы не встретить ни одного корабля на конвойных маршрутах. Подождём. Следующее освещение обстановки для определения курса и скорости обнаруженных надводных целей произвести с минимальным интервалом – десять минут.

...раздумывая: «А не поднять ли тупо Ка-25, который „возьмёт“ своей бортовой РЛС по дальности все 200 км?»

Почти... уже почти готовый на каждый «чих» дёргать БЧ-6 взлётно-посадочными операциями. Впрочем...

«Впрочем, десять минут можно и подождать».

Хотелось затянуть пару тяг табачины, но не хотелось выползть наружу в ветреную холодрыгу. А в «ходовой» у них здесь не курили. Сам правила установил.

– Вахтенный, организуйте чаю, что ли. С лимоном.

Его маяло этими десятью минутами ожидания, как и сосущей заядлой зависимостью. Потворствуя которой, он выкрутился простой уловкой:

– Я в штурманскую. Туда мне чай.

Двинув в соседнюю рубку. Там, по-хозяйски отщёлкнув задрайку иллюминатора, чуть приоткрыв, можно было «подышать улицей», стряхивая пепел в баночку, что держал тут, позволяя в вольности своих пенатов, командир БЧ-1. Заодно обсудить с ним сложившуюся текущую обстановку.

Тем более что штурман, как и положено, был в теме, и уже отметил на своей карте все озвученные ориентиры:

– Судя по снятым параметрам, предварительно, эти «три» должны быть чем-то крупным. Обычный конвой? Если так, то малые суда, включая низкорослые эскортные кораблики, ещё невидимы, «прячутся» за горизонтом.

– Вопрос в том, Алексей Иванович, как нам лучше уклониться от встречи и разойтись каждый по своим. Можно поднажать и пробежать за несколько миль у них перед носом. Можно тормознуть, чего бы я не хотел, и увязаться вслед. Узок Датский пролив, вот что мне не нравится. Как зажмут нас там...

– Рассчитать «пунктир» восточнее Исландии? Не вопрос, – штурман с удовольствием вкрутился в процесс, принимая благодарным кивком протянутую командиром кишинёвскую «марлборину»⁷⁰.

Десять минут прошли живо, и с поста «Ангарты» обновили данные, озадачив и даже сбив с толку: всё те же три засветки, без какого-либо сопровождения, на хорошем ходу... что не увязывалось в представление о классических конвоях. Оставалась неопределённость и с их курсом...

– Они с равным успехом могут проследовать Датским проливом. И в любой момент ничто им не мешает отвернуть к востоку – маршрутом меж Исландией и Фарерами. Мы же, на мой взгляд, – штурман карандашом вольно водил по карте, – оказываемся в неопределённой, под-

⁶⁹ МР-600 «Восход», трёхкоординатная радиолокационная станция, больше ориентированная на обнаружение высотных целей, с дальностью действия до 500 км.

⁷⁰ Бренд «Marlboro» лицензионно производился в Кишинёве и в Москве.

вешенной позиции. Чтобы наверняка избежать пересекающихся курсов, оптимально вообще отвернуть к югу и дрейфовать в ожидании, пропуская этот чёртов конвой.

– И нет никакой гарантии, что следом за этим не идёт другой, – выразил сомнения Скопин, – шарахаясь от каждого, мы так никогда не выберемся из этого района.

– В любом случае следует держаться от них на «вытянутой руке РЛС». Какой бы там у них ни стоял радар, он заведомо хуже нашего. Пока же они, как я понимаю, идут в практическом «пассиве». Но, даже углядев одинокую засветку, вызовет ли это у них ненужные вопросы? Вполне могут принять за скоростное трансатлантическое транспортное судно «капельной перевозки», как сейчас это называют. Эти трое и сами идут на приличных крейсерских узлах, полагаю, чтобы нивелировать опасность атаки субмарин. А я читал, что во времена «битвы за Атлантику» по правилам противолодочной обороны категорически запрещалось сбрасывать скорость в открытом море, даже ради спасения тонущих людей. Станут ли они отвлекаться и обращать внимание на нас?

– То есть пропустить их и тихой сапой скользнуть по следу?

– Достаточно не лезть на их носовые курсовые углы – именно там будет вестись противолодочный поиск, вдруг окажись у них какие-то самолёты.

* * *

Скорость снизили до унылых девяти узлов. Скорректировали и курс, отвернув для разрыва дистанции – чтоб держаться на пределе действия РЛС. Да и взапределах. Так, что даже заявленные «кончики мачт» пропали с развёрток. Периодичность включения радиолокационной станции увеличили до прежнего интервала.

– Не нравится мне эта волокита, – делился на мостике своим скепсисом командир, всё больше склоняясь к тому, чтобы отказаться от намерений следовать Датским и свернуть в «широкие ворота» меж Исландией и Фарерскими островами. Причём сейчас же, пока есть преимущество, опередив отслеживаемые три неизвестных судна броском – вперёд.

Старпом возражал, поддерживая соображения штурмана по данному вопросу. Дополнительно аргументируя тем, что в гонке на больших ходах на ГЭУ крейсера ляжет ненужная нагрузка. Если это дело вдруг затянется.

– Вы извините, Андрей Геннадьевич, но я корабль лучше вашего знаю. И что бы там ни обещали на СРЗ о качестве проведённых работ, в отрыве от дома материальную часть лучше поберечь.

– Продолжайте, – старательно нейтральным тоном проговорил Скопин, видя, что ершистому помощнику есть что сказать.

– При всём при этом я не склонен сгущать опасность, исходящую от англичан или американцев... в конце концов сейчас они союзники СССР, а мы идём под своим законным флагом. Хотя соглашусь – разного рода недоразумения могут возникнуть. А потому, чтобы избежать таковые, следует вести контроль за надводным и воздушным пространством более активно, всеми наличными средствами. Развернуть пост дальней обстановки, с использованием вертолётных РЛС...

– Вызывайте командира БЧ-6, – коротко приказал Скопин. Не говорить же, что и сам подумывал об этом давеча. Попутной досадой отметив: «Старпом, метивший на место командира крейсера, сейчас-то наверняка осознаёт, что не по его Сеньке шапка всё это... Всё это чрезвычайное приключение, иначе и не скажешь. Однако по инерции продолжает дуться за своё несостоявшееся капитанство».

* * *

Подполковник, заведовавший авиационной частью, прибыл на мостик быстро, запыхавшись, спешил. И как-то с ходу перехватил инициативу, об инициативе же и доводя:

– Поступило предложение от ИТС⁷¹ убрать «Як» с открытой палубы. Сделали замеры, самолёт вполне становится в верхний ангар. Вертолёты опустим вниз, но чтобы всё в «нижнем» компактно разместить, две-три «вертушки» придётся подвергнуть частичной разборке – снять лопасти, демонтировать хвостовые части. В результате полным составом авиагруппу задействовать, конечно, уже не получится, но ведь нам сейчас чрезвычайная оперативность в ПЛО⁷² особо не горит, как я понимаю?

Дежурную пару – один ПС и один ПЛ – сможем поднимать в воздух, как и положено по нормативу. Полную тактическую поисковую четвёрку, думаю, тоже без серьёзных заминок. Будет некоторая проблема со штатным разделением ангара противопожарными шторами, на случай аврала... точнее, с одной из штор⁷³. Но ребята ещё помозгут, посуят технику туда-сюда – втиснемся. Оттащим невостребуемые машины в угол.

– Поддерживаю, – без раздумий дал добро командир, – за «волчьими стаями» нам не гоняться. Четырёх машин для работы, случись потребность, хватит за глаза. Зато самолёт будет в сухости и тепле.

– Второе, – ещё не закончил командир авиационной части, – как моё мнение, надо провести с «Яком» взлётно-посадочные мероприятия. Пока погода терпит.

– Какая в том надобность?

– Считаю, что, если моя БЧ «подросла» включением в состав СВВП, пренебрегать дополнительным ресурсом... м-м-м... негоже. Сделаем контрольный взлёт, посадку, чтобы убедиться в технической готовности и оперативности обслуживания машины. Чтобы быть уверенным в использовании штурмовика как боевой единицы, в конце концов! По необходимости.

– По необходимости?

– Например, в качестве того же разведчика Ка-25 слишком уязвим, тихоходен и подвержен опасности быть сбитым из какой-нибудь пукалки. Вот как недавно...

– Это даже можно подвести под конкретную задачу. С пользой, – вступился за высказанное предложение старпом.

Скопин сразу понял, о чём ведёт речь помощник. Не пытаюсь прогнозировать полезность единственного самолёта на борту, причём с единственным пилотом, в принципе, тоже считал совершенно верным иметь «вертикалку» не просто в виду, а в деле.

«Случись что и... мало ли что».

Резоны лежали на виду – слабенькая по ТТХ⁷⁴ в своей современности реактивная машина вертикального взлёта и посадки, здесь в нынешних условиях против винтовых да поршневых оппонентов играет новыми красками.

«Скорость за тысячу километров в час – считай, что наш штурмовичок сразу перекалфицируется в истребитель».

Надеялся, что применять в данном качестве самолёт не придётся. А вот как высокоскоростной разведчик?..

⁷¹ ИТС – инженерно-техническая служба. Именно её личный состав занимался транспортировкой вертолётов по палубе и в ангаре. Нередко, что и вручную.

⁷² Противолодочная оборона.

⁷³ Противопожарная система на крейсере пр. 1123 разделяла нижний ангар на четыре изолированных отсека специальными опускаемыми асбестовыми шторами.

⁷⁴ Тактико-технические характеристики.

Многое тут упиралось в квалификацию пилота.

«Чем он рискует? – рассуждал каперанг. – Выйдет на пеленг, держась по кромке видимости, на большой скорости, так, чтобы на чужаков посмотреть и „звёзды“ не показать. В целях маскировки сделать небольшой крюк и зайти со стороны Исландии. И уходить туда же. Тут наткано: и американцы, и англичане, и канадцы – пусть меж собой разбираются, чей это шальной ероплан. Если увидят. Да и выяснять, думаю, не станут – однозначно „свой“, кому тут быть. Вот только...»

– А что если в состав этих «трёх» входит эскортный авианосец? Могут перехватить...

– Попытаться перехватить, – поправил старпом, – с его скоростными характеристиками, да кто за ним угонится. Тем более никаких воздушных целей в ближней зоне мы не засекали.

– Это ещё ни о чём не говорит, – ответ, в общем-то, так, от навязчивости побурчать, не от желания оспорить. Андрей Геннадьевич подошёл к столу с навигационной картой, на которой в том числе были отмечены все зафиксированные по радару неопознанные «цели». Тяжело опёрся руками...

«Что ни говори, эти чёртовы неопознанные „на соседней улице“ мне уже мозоль в голове натёрли. Кто такие?! Непонятность. И как любая непонятность –стораживает. Штурман прав, повязанный конвоированием эскорт на нас отвлекаться не станет. А эти «три икса» по признакам уж больно смахивают на боевые корабли. И глянуть хотя бы одним глазком на них определённо не помешало бы. Чтобы иметь в виду при построении своих дальнейших планов и прокладке безопасного маршрута».

Ну, не привык он оставаться пассивным наблюдателем в ожидании, когда само разрешится. Чуть склонил голову, обозначив внимание к подчинённым, командир, молча кивнув, мол, давайте...

– Тогда я... разрешите, – подполковник, взяв эбонитовую трубку переговорного устройства, прямо из «ходовой» отдал распоряжение ангарной службе: «Начинайте».

– Но прежде, – оговорился кэп, – я хочу переговорить с пилотом. Он в ангаре? Схожу. Заодно гляну, как разместился штурмовик.

* * *

По пути навстречу с низов попался замполит. С докладом, наверное...

– Что рассказали пленные? – опередил Скопин, приостанавливаясь...

– У-бот, бортовой – 1226, тысячу двести тонн полного водоизмещения, командир Август там какой-то Клауссен. Базировались на норвежский порт. В походе три недели. Сектор патрулирования к югу от Исландии. Сказали, что собирались повторить атаку, но не успели выйти на рубеж, так как аппараты зарядили электрическими торпедами, у которых дальность пять тысяч.

– Вона как, – оскалился Скопин, – всё правильно я...

– Что с ними теперь?

– Да что... за борт их, коли больше ничего ни интересного.

Заместитель командира по политической части вытаращил глаза...

– Да шучу я. В карцер. Придётся кормить выкормышей Дёница. До берега. А вы в «ходовую»? Знаете, сделайте хорошее дело. Надо будет обязательно объявить по корабельной трансляции о потоплении нацистской подлодки... для поднятия духа экипажа, так сказать. Как раз ваша стезя.

* * *

«Як» уже стоял внутри, только закатали, закрыв створки ангара.

Радостные «самолётные» техники (ещё бы – обслуживать в тёплом закрытом помещении) стащили прорезиненный чехол, деловито распахивая регламентные лючки, и уже подвели шланги для заправки топливом.

Самолёт, сразу видно, «категории ноль» – новый. «Краска ещё липнет!» Нигде заметных сколов, как оно нередко бывает по кромкам плоскостей, или облешего покрытия, особенно в условиях морской эксплуатации.

В светло освещённом ангаре семнадцатиметровая в длину машина была развёрнута чуть по диагонали.

«И даже не сказал бы, что совсем уж впритирку, – навскидку оценил каперанг, – точно тут и родилась».

Вспоминая вдруг свой первый автомобиль: когда с вечера загнав в гараж, а утром открывая – его встречал, словно конь в стойле, красавец «Прелюд»⁷⁵... клал руку на капот, произнося мысленно: «Вещь!»

Так и этот блестящий свежей краской, доведённый до своего, наверное, максимально возможного технического совершенства и аэродинамических форм, аппарат.

Несмотря на охаивание при жизни диванными интернет-экспертами, этот СВВП фирмы Яковлева ему нравился.

– Вы его так намеренно задом загнали, чтобы удобней было выкатывать на полётку?

– На самом деле так удобней было и закатывать, – пояснил начальник ТЭЧ, – сподручней подруливать носовой стойкой, ставя вкось. Оказался длиннее Як-38 почти на метр.

– Здесь изменена носовая часть – в конкретном варианте штурмовика под установку ЛТПС⁷⁶. Для сохранения центровки удлинители и хвостовую часть, – это уже подвизался пилот, незаметный в своём повседневном техническом комбинезоне.

«Вот его-то мне и надо».

– Товарищ старший лейтенант, надо обсудить задачу, – приглашая отойти в сторону. Вновь обращая внимание на смурное выражение лица пилота. Даже угрюмость, показавшаяся ему прямо-таки нездоровой.

«Что это – недовольство номинально гражданского человека, вдруг без каких-либо предупреждений призванного, включённого в секретный научный проект? И как выяснилось, заброшенного за полмира и вообще чёрт знает куда?»

Ознакомившись с личным делом, он знал, что присланный командованием лётчик, Митиков Юрий Иванович, досель числился в запасе, работая в ОКБ Яковлева испытателем. Специалист по «вертикалкам», неоднократно участвовавший в отработке полётов с авианосца. В том же досье говорилось о его поездке в Афганистан в составе экспериментальной эскадрильи Як-38. В зачётном списке вылеты на боевую штурмовку моджахедов.

«То есть командировки в ВС⁷⁷ для него не редкость. Или здесь кроется подоплёка психологического характера, лежащая в профессиональной специфике?»

Попались ему как-то любопытные измышления, где сравнивались психотипы пилотов обычных самолётов и пилотов вертолётов. Вертолётчики описывались как люди нередко замкнутые, настороженные. Причина в специализации: вертолёт – это такой летательный аппарат, который если вдруг что-то в нем откажет, падает безоговорочно. Не спланируешь, как на самолёте. И катапульт нет.

Вертолётчики всегда с подозрением прислушиваются к своему тархтящему агрегату, в любой момент ожидая неприятностей, имея в запасе лишь секунды, чтобы сбросить шаг винта или предпринять другие действия, избегая катастрофы.

⁷⁵ В данном случае упоминается двухдверное купе марки «Хонда» – «Prelude».

⁷⁶ Прицельная лазерно-телевизионная система «Кайра».

⁷⁷ Вооружённые силы.

«А если проводить аналогию – большой процент аварийности СВВП приходится как раз таки на „вертолётные” режимы полёта. Тем паче что „Як“ конь, в какой-то мере мало объезженный. Может, поэтому?..»

Летун смотрел в молчаливом вопросе – какие будут обоснования полёта.

Скопин вкратце довёл, что счёл нужным, стараясь придать разговору содержание предполётного инструктажа, уж насколько морской офицер мог давать советы по авиационной специфике дела.

Всё это выглядело как набор сугубо благих рекомендаций, вместе с тем каперанг и сам оценивал: насколько пилот соответствует задаче, в состоянии ли будет отличить боевой корабль от торгового судна? Для наглядного ознакомления имелись печатные издания по истории флотов, с фотографиями кораблей Второй мировой войны – распознать. Все, что было под рукой.

Техническая сторона обеспечивалась офицерами группы боевого управления: пеленги на цель, дистанции, маршрут выхода и отхода, радиолокационное сопровождение, приводные маяки, карта погоды.

– Знаю я свои возможности, – отвечал старший лейтенант, не повышая градус интонации ни на йоту, – по дальности, с учётом крюков в сторону Исландии, в боевой радиус вписываюсь. Тем более что по вооружению можно обойтись встроенной ГэШа⁷⁸, подвески будут пусты, без лишней нагрузки. Пилотажно-навигационное оборудование даже в условиях погодного минимума вполне позволит выйти на цель. Не думаю, что будут какие-то сложности и на обратном пути отыскать свой корабль. На край есть система ближней навигации и автоматический радиокompас.

– Если прикидываться «местными», может, следует закрасить опознавательные знаки? – предложил кто-то из офицеров БЧ-6. – А то и вовсе нанести английские.

– Не надо ничего закрашивать. Ничего они всё равно не смогут разглядеть. Посмотрю издали, насколько можно, одним глазком, и назад. Неплохо было бы фотоаппаратуру, для большей достоверности, но...

На это только развели руками, тут дальновидное руководство дало промашку – ничего такого в подвесной номенклатуре к «Яку» не оказалось.

– Дадите бинокль, тоже сойдёт, – пилот переключил внимание на подготовленную метеорологом сводку, закачав головой. – Боюсь только, из-за низкой и плотной облачности придётся снизиться. Что ж, пройду не над ними, а в стороне, по траверзу. Видом сбоку даже будет проще распознать.

– Хочу дополнительно акцентировать, – настаивал кэп, – полёт следует провести в высокоскоростном режиме. Корабли могут нести катапультные самолёты. Не исключаю и палубную авиацию...

По лицу собеседника трудно было понять – принял ли он предупреждение с должным вниманием. Поэтому на всякий случай добавил:

– «Корсар», палубный истребитель, разогнался до 700 км/ч, по-моему. Между прочим, американские «Мустанги» в корейскую войну пару раз исхитрились «поймать» на свои пулёмёты реактивные «миги». То есть, высматривая корабли внизу, не следует забывать и о воздушной опасности. Как там говорил маэстро Титоренко?.. – «...крути головой на 360 градусов»⁷⁹. И мы в свою очередь акцентируем внимание за обстановкой. В экстремальном случае будем готовы нарушить радиомолчание, предупредив об угрозе.

В конце он не удержался (неулыбчивость старшего лейтенанта оставляла тягостное впечатление), спросил:

⁷⁸ 30-мм пушка ГШ-30-1.

⁷⁹ Оглядка на фильм «В бой идут одни „старики“».

– Хотите сказать, что вы не подписывались на такую БС?⁸⁰
– Достаточно и присяги, – всё так же мрачно ответил лётчик. И добавил: – Все мы много чего подписывали, включая особому отделу: «обязуюсь докладывать...». Что прозвучало, в общем-то, в знакомых намёках, и не удивило...

* * *

Наблюдали с СКП⁸¹.

Всё происходило отработанно и синхронно. «Бульдозер»⁸² выкатил Як-39 на взлётную позицию. Пилот ещё раз обошёл машину, с последней проверкой. Взобрался по лесенке в кабину, пробуждая системы от внешнего источника электропитания, начав предварительную гонку двигателей.

Автоматика гидравлики завалила леерное ограждение полётной палубы. В воздух упредительно поднялся Ка-25ПС, оттянувшись, повисая за кормой. Руководитель полётов что-то положенное вещал в громкоговоритель, обслуживающий техперсонал в основном обходился жестикующей руками, перекрикивая царящий шум.

Ходовой мостик одерживал корабль на волну. Дежурный внимательно следил за тем, чтобы «колдуны»⁸³ сохраняли нужное направление, надутые упругим устойчивым ветром не бились в порывах.

Пилот дождался отмашки на старт, теперь дело было в его личном решении.

Стоящий на тормозах штурмовик ещё увеличил обороты, раскручивая турбины, кроя палубу горячим маревом исходящих газов. Движки «вертикалки» издавали такой визг, что в закрытом помещении СКП приходилось повышать голос.

Очевидно, пилот набрал необходимую тягу, самолёт динамично оторвался – на метр... на два, на струях двигателей немедленно и плавно переходя в горизонтальное скольжение.

По ушам прессовало не просто визгом – верещанием.

Взлёт происходил на левый траверз под острым углом по курсу, достаточно дистанцируясь от громады настройки, избегая образуемых ею воздушных завихрений.

В какой-то момент самолёт качнуло боковым порывом ветра под правое крыло. Несильно. «Як» просто круче отвернул от корабля, неизбежно ускоряясь в переходном режиме, всё больше полагаясь на аэродинамическую силу плоскостей.

Было видно, как захлопнулась верхняя створка подъёмных двигателей.

– Обратили внимание, как его потянуло на крен! Надо будет проанализировать и отретировать этот взлёт набок. Учесть «розу ветров» – встречные, огибающие потоки, – услышал Скопин, оценив компетенцию командира авиационной части вопросительным взглядом.

– Я на «Киеве» в «младших» по БЧ-6 походил, – пожал плечами подпол⁸⁴.

Рванувший «низким стартом» штурмовик быстро превратился в исчезающую точку, набирая до приличных скоростей.

Уже покидая СКП, командир услышал по трансляции торжество замполита о боевых заслугах экипажа. Отметив, что проставленное акцентом: «...получили уникальную возможность внести свой вклад в Великую победу над фашизмом» несёт интересную коннотацию. Даже похвалил, мысленно: «Удачный ход. Знает, знает товарищ партийный работник, на какие кнопки надо нажимать».

⁸⁰ Сокращение – боевая служба.

⁸¹ СКП – стартовый командный пункт управления полётами летательных аппаратов.

⁸² Так называют на корабельном сленге палубный тягач для транспортировки авиатехники.

⁸³ «Колдуны» – конусообразные (в красно-белую полосу) ветроуказатели.

⁸⁴ Подпол (*военный сленг*) – подполковник. «Киев» – тяжёлый авианесущий крейсер с полноценной по штату авиагруппой.

* * *

Вернулся на мостик, держать руку на пульсе, уверенно усевшись в массивном командирском кресле. Нагнетая, накручивая пилота и себя, капитан 1-го ранга Скопин всё же полагал, что тридцатиминутный от силы полёт не доставит каких-то неприятных сюрпризов.

На пульте внутрикорабельной связи загорелся вызов из ангара. Вахтенный снял трубку, выслушав, доложил. Суть: обеспечившая взлёт штурмовика «вертушка» присела на палубу, экипаж поспешил сообщить, что обзор бортовой РЛС «за радиогоризонт» лишь подтвердил уже полученную информацию: «Три НЦ⁸⁵, радиоконтрастные, – подчеркнув, – очень „жирные“ засветки». Никаких других, сопутствующих обнаружить не удалось».

Вахта на мостике сохраняла канал с постом РТС постоянно открытым, выведенным на «громкую». В этот раз никакого «однообзора», антенны «Ангара» последовательно «вели» палубный штурмовик, транслируя данные на индикаторы системы привода, где на мерцающем зеленоватым отсветом экране вектор движения «метки-цели» тянул кривую линию трассы самолёта, резво приближающуюся к месту нахождения чужих кораблей.

– Наш в зоне местоположения противника, – коротко донесли радиометристы.

– О как! «Противника», значит, – поелозил в кресле командир. Сделав замечание. – Что ещё это за такое «наш»?!

В общем-то, всё шло штатно, если это слово применимо к такой далеко нештатной ситуации в целом. Як-39 пролетел вблизи и над местом «чужаков», на относительно небольшой высоте. Затем его метка растворилась в помехах от поверхности океана – уходя в правый разворот на западные румбы (именно «на западные», никоим образом не на пеленг крейсера), тем самым ещё удалившись, штурмовик скрылся за радиогоризонтом.

Время его ожидания не превысило расчётных минут.

Вновь метка воздушной цели обнаружилась уже направлением на северо-восток, самолёт уходил в сторону Исландии. Всё согласно плану. Единственное, оператор РЛС сообщил о затруднениях с идентификацией.

В следующий миг всякое спокойствие улетучилось! На радаре появилась ещё одна засечка!

– Цель номер два по пеленгу 270! Курс на сближение с... целью «номер один»! Скорость...

Радиометристы быстро определили, что скорость у «номера два» примерно 900 километров в час.

– Этот наш?..

Выходило, что операторы РЛС ошиблись, перепутав «цели»: следующая на северо-восток – чужая, в то время как цель № 2 – совершивший разворот «Як». И он будто бы, если сопоставить векторы движения на экране радара, выходил на перехват.

Метки на экране РЛС сошлись, сливаясь и... расходясь, так мимолётно, что весь порыв командира (тут уж плевать на радиомолчание) распорядиться «срочно связаться с пилотом» попросту не успел.

– Наблюдаю разделение! Номер один пеленг... дистанция... Цель номер два: дистанция на удаление, смещение к норд-осту, смена эшелона.

В этот раз «эртээсники» точно установили через систему радиолокационного распознавания «свой-чужой», что резко ускорившийся, набирающий потолок самолёт несомненно Як-39.

⁸⁵ НЦ – надводная цель.

На языке у Скопина так и вертелось, едва не срываясь: «Мне кто-нибудь объяснит, что это, мать его, было?! Что он там изобразил? В атаку выходил?!»

Это шло вразрез со всеми приказами и намерениями сохранять своё инкогнито.

С другой стороны...

«Сами виноваты... прохлопали. Выход штурмовика на чужой самолёт в дурной видимости вполне мог носить случайный характер. Здесь же, пока разобрались с „метками-целями“ на радаре, там всё уже тью-тью. Короче, как всегда – в лучших традициях: обнаружили, опознали, сопроводили... прое@&али. Ничего. Сейчас. Скоро вернётся и сам всё объяснит».

«Як» возвращался.

Взглядом с крыла

Навигационный расчёт оказался точным. Серый абрис первого корабля выплыл из марева слева по носу штурмовика. Пилот немедленно отклонил машину вправо, стараясь лавировать на нижних границах плотных облаков и на пределе видимости. Математика тут по-дилетантски была проста: «Если я их вижу, едва угадывая силуэты, то маленький самолёт останется незамеченным наверняка».

Следом за первым проявились очертания второго судна. Вид сбоку как нельзя лучше обозначил характерную для боевых кораблей линейно-возвышенную схему: контуры надстроек, расположение орудийных башен.

Он даже не стал выжидать, когда «выплывет» третий мателот, прервал визуальный контакт, отвернув в сторону.

Оценить размеры увиденных кораблей издали было сложно. Но для себя старший лейтенант решил, что это были линкоры. Как минимум линейные крейсера. Отметив, чисто на эмоциональном восприятии, что издали их неопознанность – эдакая тёмная масса железа, выглядела вполне грозно.

На скорости 900 километров в час разворот на обратный курс охватывал широкую дугу. Ему необходимо было просвистеть несколько километров на северо-восток, имитируя уход в сторону Исландии. Затем, снизившись до «бреющего», спрятавшись за радиогоризонт, отворачивать на базу. Сиречь на палубу ПКР.

Чего он всё-таки не ожидал, так это встретить кого-то ещё и в небе (не было никаких данных о воздушных целях перед вылетом, как не поступило и других обещанных предупреждений с КП по факту вероятной опасности).

Цель показалась практически по курсу, и Як-39 однозначно нагонял. Скорость схождения (пока сохранялся большой разрыв дистанции) ещё не ощущалась, и, прежде чем убраться в сторону, старший лейтенант вновь быстренько извлёк из ниши сбоку сиденья бинокль, поднес к лицу, не без труда стабилизируя картинку в фокусе... самолёт слегка потряхивало.

Характерный силуэт – распластаный крест прямокрылого моноплана мощная двадцатикратная флотская оптика буквально «подбросила» к глазам.

Навскидку определив, что чужой самолёт, похоже, одноместный (какой-либо турели сзади не наблюдалось), но каплевидный фонарь наверняка даёт прекрасный обзор, старлей поспешно подёрнул «Як» выше, прячась в рассеянной вате подбрюшья облачного слоя.

Что-то его смутило.

Всё от ожидания. Детали чужой машины, может быть, и остались за гранью точечной оценки: тип самолёта и всё такое, но опознавательные знаки для того и наносятся на фюзеляж и крылья, чтобы их было видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.